ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (2432) Суббота, 19 июня 1948 г. Цена 40 коп.

За творческую науку воспитания!

С негодованием — словами, пропитанными горечью за родную страну, — писал тридцать пять лет назад Владимир Ильич Ленин о состоянии народного просвещения в царской России:

«Итак, детей в школьном возрасте 22%, а учащихся 4,7%, то есть почти впятеро меньше!! Это значит, что около четырех пятых детей и подростков в России лишено народного образования!!»

Невозможно, нельзя перестать изумляться тому необозримому урожаю всенародного просвещения, который дали нашей стране всходы Великой Октябрьской социалистической революции. За три десятилетия советской власти умножилось число учителей, и в наши дни нельзя без удивления представить себе ни одного мало-мальски населенного пункта — и в далекой Арктике, и в высокогорных аулах. Свыше тридцати миллионов ребят — вдумайтесь в эту цифру, товарищи! — сидят в нашей стране за партой только в начальной и средней школе.

В этом году в начале лета снова влилось в культурный арсенал великой державы более двухсот тысяч образованных людей, окончивших полную среднюю школу. Кто их воспитал? Кто дал им необходимые знания? Кто заслужил всеобщую нашу благодарность?

Учитель!

Под руководством партии советское учительство в десятках тысяч больших и малых школ выращивает нашу смену, наделяет ее образованием, светом и знанием. И это непрерывное, все прибывающее наступление культуры так же не случайно, а неизбежно в стране социализма, как не случайна, а неизбежна темнота народных масс в странах капитализма.

Тысячи вопросов рождает ежедневно школьная жизнь в Советском Союзе. Учители-новаторы, учители-передовики, практически целесообразно решая эти вопросы в классе, творя ежедневно прекрасный опыт советской педагогики, подчас не имеют времени поразмыслить над тем, что они решают, обобщить свой замечательный опыт.

В каждой школе происходит непрерывный творческий труд, совершаются новаторские эксперименты. В одной школе, к примеру, классный руководитель — человек с чутким сердцем и советским характером — создает превосходный коллектив учащихся в классе, привлекая себе на помощь и комсомол, и пионерскую, и ученическую организации. В другой школе директор отлично решает проблему своих отношений с завучем, решает так, что и сам он, директор, не превращается в завхоза, и завуч не теряет в учительском коллективе своих важных позиций. Где-то в районе прекрасно работает школьный инспектор, «учитель учителей»; он сумел избежать печальной участи—не стал заурядным собирателем сводок и донесений; нет, его появление в какой-нибудь однокомплектной, далеко заброшенной школе означает праздник для учителя — этот поможет, научит, подбодрит, вдохновит... Тысячи вопросов возникают повседневно у армии тружеников советской школы.

Как может не расцвести в условиях такого небывалого напора практических потребностей и запросов подлинно передовая педагогическая наука!

Четыре с лишним года тому назад, в самом разгаре Отечественной войны, мудрая мысль правительства и партии большевиков, учитывая созревшую потребность обобщить опыт школ, научно осмыслить все достижения практики народного образования в СССР, пришла к выводу о необходимости основания Академии педагогических наук — нового очага боевой и партийной, передовой науки.

Семь научно-исследовательских институтов и филиал в Ленинграде, 555 научных сотрудников, многомиллионный бюджет были положены в фундамент этого великого государственного решения. Где, в какой стране мира возможны такие масштабы развития культуры! Где, в какой стране мира народ с таким доверием относится к делу науки, так ревностно заинтересован в ее достижениях! Но, к сожалению, Академия педагогических наук пока еще не справляется со своими ответственными задачами.

Мы публикуем сегодня статью Ф. Вигдоровой «Равнодушие и схоластика». Вызывают естественную тревогу излагаемые в этой статье факты и доводы, свидетельствующие об отставании педагогической науки от запросов и опыта школ. Не слышит наша общественность голоса Академии педагогических наук ни в обсуждении вопросов идейно-политического воспитания учащихся, ни в широко развернувшемся обсуждении учебников, хороших и плохих, ни во многих других дискуссиях и спорах вокруг злободневных проблем народного просвещения. Опыт и имена передовиков нашей школы не подняты Академией педагогических наук на подобающую им высоту признания.

«Народное образование и народное воспитание в нашем государстве, — писал Антон Семенович Макаренко, — сделалось таким количественно могучим, что и один процент брака в этой работе грозит нашей стране серьезными прорывами».

Между тем, ни за что не борется и никаких новых положений не выдвигает Академия педагогических наук. Кабинетное крохоборчество планирования, школобоязнь, отсутствие нажитого учительского актива, цитатное, квазинаучное мудрствование, к сожалению, снижают в глазах учительства и всей советской общественности ценность работы академии.

Советским писателям, инженерам человеческих душ, необыкновенно дорог и близок благородный и скромный, почти незаметный, но такой гигантский в своих конечных результатах труд учителя, педагога.

Сколько нежных, благодарностью и любовью продиктованных слов было сказано про учителя Добролюбовым и Толстым, Чеховым и Горьким! Наших писателей сближает с учителями и общее дело коммунистического воспитания молодежи, и общая любовь к книге, к литературе.

Всю нашу большевистскую волю, — всегда побеждающую в жизни, — нужно направить на то, чтобы выполнить требование народа: дать советской школе передовую педагогическую науку, дать народному учителю нужную ему книгу!

Больше внимания опыту практических деятелей школы! «Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела», — с великой мудростью, голосом самой истории говорил Иосиф Виссарионович Сталин работникам высшей школы на приеме в Кремле.

Академия педагогических наук работает в отрыве от живой практики народного образования, держит себя вдали от школы, еще не служит нуждам учительства, которому она должна передать все завоевания передовой науки — и не по принуждению, а добровольно, с охотой, с большевистским огнем и творческой страстью.

Герой нашего времени

Вит. ВАСИЛЕВСКИЙ

Стахановца вызвали в Москву, к министру.

Вызвали в столицу токаря ленинградского завода имени Свердлова Генриха Борткевича.

Зачем?

Борткевич повысил на токарном станке скорость резания до 700 метров в минуту. Коническую шестерню, которую раньше обрабатывали за 2 часа 40 минут, он начал изготовлять в 6 минут 49 секунд. Коллегия Министерства станкостроения СССР подробно обсудила опыт ленинградского стахановца. Было решено широко распространить передовой метод Борткевича на машиностроительных заводах страны, чтобы скоростниками стали все рабочие, занятые на холодной обработке металлов.

История новаторского почина Борткевича — история необычная, но в то же время это история, весьма типичная для наших дней.

Необычно здесь уже то, что Борткевич заставил токарный резец работать со скоростью экспресса.

Обыкновенный токарь двинул на несколько лет вперед технику холодной обработки металла. Эта задача была бы по плечу, принесла бы славу крупному ученому-технологу.

Что типично в истории Борткевича?

На любом капиталистическом заводе, скажем, у Форда, производительность труда растет ценою мускульного напряжения рабочего. Конвейер, автоматика изматывают его разум и тело. Весьма злободневно звучат сейчас строки «Капитала» о том, что капиталистическое производство «превращает рабочего в урода, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя весь мир его производственных наклонностей и дарований... Сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы».

У нас все наоборот: труд советского рабочего год от года становится легче, потому что за него работают машины, потому что непрерывно возрастает механизация трудоемких и подсобных работ. Великий русский словолюбец Даль писал, что рабочие — люди, «живущие трудами рук своих». Это было правильно для царской России, и это сейчас правильно для капиталистической Америки. Но в стране социализма не только руки и не мускульный труд, а сама мысль, разум рабочего становятся фактором технического прогресса, средством повышения производительности труда.

Идея Борткевича в том, что при существующей геометрии резца нельзя значительно увеличить скорости резания металла. Следовательно, надо изменить форму резца. Сто, двести, может, тысячу опытов провел Борткевич, прежде чем нашел наиболее рациональную геометрию инструмента. Резцы неизменно ломались на повышенных скоростях. Токарь прочитал много книг, часами беседовал с инженером-новатором Плотвиновым, с мастерами высокой квалификации Соколовым, Ардовым, Арсеньевым, Галочкиным, которыми гордится Выборгская сторона. Он сделал несколько эскизов, произвел технологические расчеты. После долгих практических изысканий Борткевич начал успешно работать резцами новой, им же найденной геометрии.

Вдруг перестал слушаться станок. При повышенных скоростях он «не вез», вибрировал. Однажды Борткевич положил руку на суппорт станка. Станок дрожал, колебался. Надо было укрепить фундамент станка. По просьбе и по расчету Борткевича для его станка был построен новый бетонный фундамент глубиной 1,8 метра с подошвой из двух рядов дубовых брусьев. Фундамент засыпали гарью и торфяной крошкой.

Теперь Борткевич увеличил скорость резания до 240—250 метров в минуту. Достижение было первостепенное: ведь весной этого года еще пределом считали скорость в 220 метров, а практически изо дня в день работали на скорости до ста метров: скорость крестьянской телеги. Казалось бы, можно было передохнуть, от экспериментов и опытов перейти к повседневной, высокопроизводительной работе. Ну, и заработки бы возросли... Но это только казалось! Недаром 26-летний токарь Борткевич в свободное время пишет стихи:

Люблю, когда станок, вращаясь,
Мне песню звонкую поет.
Люблю, когда, с резца срываясь,
Стальная стружка конус жжет.

Энгельс писал, что в капиталистическом мире происходит неуклонное «измельчание» человека. Социализм пробудил таланты нашего великого народа, партия большевиков крепко закалила характеры советских людей. Когда я видел Борткевича за работой, беседовал с ним, то меня, как, впрочем, любого его собеседника, пленили неутомимость стахановца, цепкость его мысли, страсть, любознательность. Он много испытал неудач, он добился высоких побед, славы, но успокоение не коснулось его сердца.

Был сфотографирован по секундам рабочий день токаря. «Ни одного лишнего движения — вот задача», — говорил Борткевич. Раньше все детали — и обработанные и необработанные — лежали на полу; надо было нагибаться, искать... Сейчас Борткевич поставил у станка две тумбочки: обработанные детали он кладет отдельно от заготовок. Раньше токари складывали резцы в шкафу по конфигурации: подрезные, а рядом — проходные, расточные и прочие. Борткевич разложил инструмент комплексно: для изготовления конической шестерни нужны резцы расточный, потрезной, резьбовой и канавочный. Вот эти-то резцы токарь положил вместе, в одной ячейке, с указанием номера детали. Руку протяни, и весь инструмент для обработки конической шестерни — на ладони!

Классики марксизма предвидели возникновение социалистического общества, где «производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения, сделался бы средством освобождения, предоставляя каждой личности возможность развивать во всех направлениях и проявлять все свои способности — как физические, так и духовные. Труд, следовательно, из тяжелой обязанности должен превратиться в удовольствие» («Анти-Дюринг»).

Предсказанное стало у нас обыденной жизнью. Борткевич, как и любой стахановец, неутомим в своих поисках оттого, что сознательная, приносящая пользу Родине работа дает ему благородное удовлетворение; труд для него удовольствие, наслаждение богатством ума, щедростью воображения.

Борткевич задумался: а так ли уж совершенен его станок? Да, он быстроходен. Однако при больших скоростях заметны его недостатки. Многодневный анализ отыскал их. Начальник механического цеха С. Плотвинов получил от токаря список дефектов станка. Борткевич просил произвести затяжку мотора, отбалансировать его шкив, отшлифовать кулачки патрона, отрегулировать подшипники, вывести зазоры шпинделя. Просьба стахановца была вскоре выполнена.

Возникло новое препятствие. Вороха перепутанных стальных стружек вылетали из-под резца с такой скоростью, что токарь не успевал отводить их крючком. На помощь Борткевичу пришел токарь завода имени Сталина Бирюков. В Ленинграде Василий Михайлович Бирюков — человек знаменитый. Да что в Ленинграде! Резцы Бирюкова широко известны на заводах Астрахани, Харькова, Иркутска, Риги. Василий Михайлович создал резец новой геометрии для работы на токарно-винторезном станке. На заводе имени Сталина тоже начинали заниматься повышением скоростей резания. Движение за большие скорости было мощным, широким, многоветвистым; оно охватывало сотни стахановцев. Борткевич нашел то, что искали многие токари; он достиг того, к чему стремились лучшие мастера и подмастерья. Василий Михайлович предложил конструкцию универсального стружколомателя, который накладывается на резец и дробит стружку. Он сам сделал первую партию стружколомателей. Токари-скоростники завода имени Сталина испытали его приспособление. Результаты были блестящими.

Теперь Борткевич уверенно, спокойно повысил скорость резания до 700 метров в минуту.

Такие смелые новаторы, как Борткевич, как многие прославленные ленинградские стахановцы, соединили в себе то, что никогда несоединимо в капиталистической стране: «два класса труда», как писал Маркс, — физический и интеллектуальный. Ведь, в самом деле, в работе Борткевича гармонично слиты физический труд рабочего и техническое творчество интеллигента. Если бы какой-либо инженер пришел на завод имени Свердлова с предложением повысить скорости резания, с эскизами новых резцов, с проектом нового фундамента для станка, а Борткевич только проводил бы в цехе опыты, то это было бы вполне нормальным. Так работают многие инженеры и многие рабочие. Это была бы очень плодотворная дружба интеллигента и токаря. Но Борткевич сам осуществил свою новаторскую идею, он работал и как интеллигент и как рабочий; мысль изобретателя им же была претворена в практику.

— Смелая идея, — сказал о почине Борткевича доктор технических наук профессор А. П. Соколовский. Доцент Политехнического института А. Н. Оглоблин, ознакомившись с методом Борткевича, заявил:

— Надо переделать главу моего учебника, где я писал о скоростной обработке.

Интеллигент у станка стал для нас обычным явлением. Характерно, что газетный фотограф снял Генриха Борткевича и в цехе и дома, за письменным столом, когда стахановец готовил чертежи к книге об опыте своей работы.

История почина Борткевича еще и ленинградская история, потому что в ней отражены героические традиции ленинградцев. Отец Борткевича — Станислав Иванович, мастер завода имени Свердлова, был славен на Выборгской стороне. Сын пошел по пути отца,—учился в фабзавуче, работал на заводе. В сорок втором году Генрих на несколько дней приехал с фронта в Ленинград. У станка, где много лет подряд работал отец, стояла поглощенная работой мама. Станислав Иванович умер в год голодной блокады. Мать стала токарем.

Когда страна узнала о победе Борткевича, когда профессора дивились, готовили новые главы для своих учебников, когда ехали делегации с других заводов, когда пришла телеграмма министра, мать спокойно сказала:

— Весь в отца!

В комнате Генриха Борткевича на полочке хранятся штанген и микрометр— с ними работал отец; серебряные часы — тоже награда отцу, стахановцу первых пятилеток. В шкатулке реликвии сына — одиннадцать боевых наград солдата...

И здесь же заветная тетрадка стихов. Вернувшись с берегов Эльбы на завод, Генрих написал:

Я встал к станку, нажал рычаг мотора,
Раздался шум, уж слышанный не раз,
Но в этот миг он был совсем особый,
Как будто танку дал я полный газ...

В Ленинграде прошла научная конференция по скоростным методам холодной обработки металлов. На ней присутствовали 500 делегатов — инженеров, научных работников, стахановцев Ленинграда, Москвы, Киева, Риги, Таллина. Было установлено, что повсеместное внедрение скоростного резания даст стране ежегодную экономию в 700 миллионов рублей. Конференция обсудила практические вопросы внедрения скоростных методов. Решили, что теперь надо создавать более быстроходные, мощные станки, новые твердые, прочные сплавы для резцов.

Тем временем на заводе имени Жданова молодой токарь Афанасьев добился скорости резания тысяча метров в минуту.

Наука уже давно опровергла мнение о незыблемости полюсов Земли. Полюсы перемещаются, хотя и в небольших пределах. «Кочуют», следовательно, и географические широты. Геодезистам же, астрономам, географам для своей работы нужны абсолютно точные данные о широтах.

Специальная служба, снабжающая советскую астрономию и геодезию точными данными о колебаниях географических широт, ведется в Советском Союзе на Главной обсерватории Академии наук СССР в Пулкове с помощью первоклассного зенит-телескопа. Эти наблюдения бессменно выполняет выдающаяся русская женщина-астроном Софья Васильевна Романская, начавшая свою работу в Пулкове сорок лет назад. В результате своих наблюдений она написала ряд научных работ.

НА СНИМКЕ: С. В. Романская у зенит-телескопа.

Фото А. Бродского (ТАСС).

Больше бумаги стране!

Совещание стахановцев 17 предприятий

ПРАВДИНСК. (**По телеграфу от спец. корреспондентов «Литературной газеты»**). В большом зале Дома культуры Балахнинского комбината открылось совещание стахановцев семнадцати предприятий бумажной промышленности. В Правдинск прибыли представители Камского, Вишерского, Балахнинского, Ингурского, Сокольского комбинатов, Ташкентской, Сибирской и других фабрик.

Во вступительном слове заместитель министра целлюлозной и бумажной промышленности СССР тов. Извеков сообщил, что, хотя предприятия бумажной промышленности и выполняют планы, некоторые из них не дают еще нужного ассортимента и не достигли требуемого качества продукции. Особенно плохо работает комбинат им. Куйбышева.

С докладом о стахановском движении в бумажной промышленности выступил председатель ЦК профсоюза тов. Кузнецов.

— Число передовиков пятилетки растет из месяца в месяц, — сказал тов. Кузнецов. — В послевоенные годы армия стахановцев-бумажников выросла на 10 тысяч человек и в настоящее время на наших предприятиях их свыше 27 тысяч. По почину бригадира-сеточника Камского комбината тов. Шестопалова, началось движение за создание стахановских смен. Новаторы производства помогают предприятиям переходить на бездотационную работу.

С итогами пятимесячной работы предприятий ознакомил совещание начальник главного управления, объединяющего предприятия восточных районов, тов. Вейнов. Эти предприятия дают 69 процентов всей газетной бумаги и 70 процентов печатной. Пятимесячный план досрочно выполнили 15 предприятий. Сорвано выполнение плана на двух фабриках—«Красный курсант» и Михайловской. Плохо работают целлюлозные заводы Ингурского и Куйбышевского комбинатов.

После доклада начался обмен опытом работы стахановцев. Сеточники: тов. Тюмин (Краснокамск), тов. Кошелев (Правдинск), тов. Сысоев (Ташкент), тов. Гродобоев (Сибирь), тов. Чкадуа (Ингурский комбинат), тов. Никишичев («Сокол»), тов. Митраков (Вишера) рассказали о методах своей работы.

На совещании было отмечено плохое качество сеток, вырабатываемых заводом, где директором тов. Фомин, и сушильных сукон, производимых фабрикой им. Тельмана в Ленинграде. Плохие сетки и сукна мешают повышать скорости машин и увеличить выпуск бумаги, вызывают огромные простои и работу на холостом ходу.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ
М. АМШИНСКИЙ

По следам выступлений «Литературной газеты»

«МЫ ГОВОРИМ О ЧУТКОСТИ!»

Коллегия Министерства социального обеспечения РСФСР обсудила вопросы, поднятые «Литературной газетой» 17 апреля и 26 мая сего года в статьях «Мы говорим о чуткости» и «Мы вновь говорим о чуткости!», и приняла решение, направленное на упорядочение врачебно-трудовой экспертизы.

В целях улучшения обслуживания инвалидов врачебно-трудовой экспертизой приказом министра социального обеспечения РСФСР предложено отделу ВТЭ министерства, врачам — старшим инспекторам по ВТЭ и председателям ВТЭК: прекратить повторное освидетельствование инвалидов мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет, инвалидов Отечественной войны с ампутационными дефектами или стойким параличом двух конечностей, инвалидов III группы, имеющих необратимые, тяжелые ампутационные дефекты или стойкие параличи; переосвидетельствование указанных инвалидов производить только по заявлению самих инвалидов в случае изменения состояния их здоровья, установленного лечебным учреждением; при очередных переосвидетельствованиях принимать инвалидов без предварительного прохождения ими врачебно-консультационной комиссии, ограничиваясь заключением лечащего врача и медицинскими данными наблюдений и исследований.

Коллегия приняла к сведению сообщение Московского городского отдела социального обеспечения, что ВТЭК при поликлинике № 68 Москворецкого района города Москвы предоставлено другое, соответствующее для обслуживания инвалидов, помещение.

Коллегия дала указание всем министрам социального обеспечения автономных республик, заведующим областными, краевыми и городскими (республиканского подчинения) отделами социального обеспечения и врачам — старшим инспекторам по ВТЭ в месячный срок проверить работу всех ВТЭК и принять необходимые меры к упорядочению их деятельности и условий работы.

Министр социального обеспечения РСФСР А. СУХОВ.

На Украине работают 19 школ по подготовке руководящих кадров для сельскохозяйственных артелей республики. Они должны дать высококвалифицированных председателей колхозов, заведующих фермами и бригадиров.

За два года, проведенные в школе, слушатели проходят обширную программу по общеобразовательным и специальным дисциплинам. На учебных хозяйствах, в животноводческих фермах и МТС слушатели проверяют свои теоретические знания.

НА СНИМКЕ: Колхозник В. Зеленков сдает экзамен в школе города Черновцы, выпускающей в этом году 300 руководящих работников колхозов западных областей Украинской ССР.

Фото А. Богданова (ТАСС).

ЛЕТАЮЩАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ МАШИНА

Мы уже настолько привыкли к многогранному мирному применению советской авиации, что нас не удивляет использование самолета как сельскохозяйственной машины.

Пять с половиной миллионов гектаров колхозных и совхозных посевов обслуживает в этом году авиация специального применения Гражданского воздушного флота СССР.

Самолет занял прочное место в богатом и разнообразном парке машин самого механизированного в мире социалистического сельского хозяйства. Правда, он не пашет землю, не убирает урожай, но удобряет поля, защищает посевы, фруктовые сады, виноградники, хлопковые и свекловичные плантации от вредителей и болезней, представляющих огромную опасность для урожая. Потомство одной пары саранчи, по подсчетам энтомологов, поедает в течение лета столько различных растений, сколько две взрослые овцы, а потомство каждой пары луговых мотыльков уничтожает такое количество зеленой массы, которого хватило бы на прокорм трех коров в течение года. Дореволюционная Россия ежегодно теряла из-за вредителей, пожирающих урожай, не менее миллиарда золотых рублей.

Благодаря применению авиации, СССР почти совершенно избавился от этих колоссальных потерь, которые продолжают оставаться бичом сельского хозяйства в США. «Потери Соединенных Штатов за последние десять лет, причиненные насекомыми, не считая косвенного вреда, также немаловажного, оцениваются в семь миллиардов долларов», — пишет А. Гарвуд в своей книге «Обновленная земля».

Старший инженер авиации специального применения Главного управления гражданского воздушного флота тов. М. Тютюнник в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» подчеркнул высокую эффективность использования самолетов в сельском хозяйстве.

— В этом году, — сказал он, — только на таких авиаработах, как подкормка посевов и борьба с сельскохозяйственными вредителями, мы сэкономим примерно два миллиона рабочих дней. Самолеты избавляют колхозников от чрезвычайно трудоемких полевых работ.

— Огромным преимуществом самолета перед наземными средствами является его высокая производительность и эффективность, — заявил далее тов. Тютюнник. — При массовом размножении вредителей это преимущество имеет решающее значение. Так, сахарная свекла поедается долгоносиком сразу же после того, как она взойдет: при появлении первой пары листков вместе со всходами свеклы появляется и жучок, зимовавший в земле. Долгоносик с жадностью набрасывается на растения и в два-три дня может опустошить огромные площади посевов.

На истребление долгоносика прежде выходило все трудоспособное население колхозов, отрываясь в самое горячее время от весенних полевых работ. Но разве можно успеть уничтожить долгоносика в течение нескольких дней на миллионах гектаров? Конные и тракторные опрыскиватели оказались слишком медлительными. В 1940 году, когда авиация применялась для борьбы со свекловичным долгоносиком еще в небольших масштабах, на уничтожение этого опасного вредителя было израсходовано 218 миллионов рублей, затрачено 30,7 миллиона человеко-дней, 712 тысяч коне-дней, и все-таки долгоносик нанес повреждения посевам.

Борьба с паутинным клещиком, поражающим посевы хлопка, долго велась вручную. На обработку одной тысячи гектаров затрачивалось 3545 человеко-дней, и тем не менее урожай полностью спасти не удавалось. По данным Всесоюзного института защиты растений, страна ежегодно теряла свыше 26 тысяч тонн хлопка-сырца. В результате применения авиации эти потери значительно снижены, а трудовые затраты на борьбу с паутинным клещиком сокращаются почти в двадцать раз.

Большой эффект, по словам старшего инженера, дает подкормка с самолета озимых хлебов, риса и льна. При этом не только сокращаются затраты рабочей силы, но и повышается урожай. Как сообщают, например, из совхоза «Красная Армия» Полтавской области, в 1947 году при подкормке озимой пшеницы вручную там собрали по 23 центнера с гектара, а на 320 гектарах, где подкормка производилась с самолетов, более равномерно разбрасывающих удобрения, урожай составил 32 центнера с гектара.

В Законе о пятилетнем плане сказано: «Развить массовое использование авиации специального применения по борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства...»

— Это означает, — сказал в заключение тов. Тютюнник, — что нам предстоит увеличить объем наших работ почти в два раза.

ПРОПАГАНДА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

В Москве закончился пленум правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, обсудивший состояние работы общества в 1948 году.

Открывая заседание, председатель правления академик С. И. Вавилов отметил, что, несмотря на быстрый рост общества, сделано еще чрезвычайно мало для распространения его деятельности в глубь страны — в районы, колхозы, на предприятия.

Выступивший затем заместитель председателя правления академик М. Б. Митин сделал доклад о выполнении решений I съезда Всесоюзного общества. Он сообщил, что за пять месяцев этого года лекторы прочитали 15580 лекций на социально-экономические, естественно-исторические, литературные и другие темы. Эти лекции прослушало около 3 миллионов человек.

С содокладами выступили заместитель председателя правления общества Украинской ССР профессор В. П. Комиссаренко и заместитель председателя правления Ленинградского отделения профессор Ю. И. Полянский.

Представители Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Казани, Свердловска и других городов поделились опытом работы и отметили, что объем лекционной деятельности все еще не отвечает возросшим запросам широких слоев населения.

По отчетному докладу пленум принял развернутое постановление, направленное к дальнейшему улучшению работы общества.

Равнодушие и схоластика

Академия педагогических наук не интересуется школой

Ф. ВИГДОРОВА

На севере, в далеком становище, где прежде и не слыхивали о грамоте, и в горном ауле, и в глухом уральском селе — повсюду, в больших городах и не намеченных на карте селениях, учатся наши дети.

В сибирском селе Степаниха учит ребят старая учительница Мария Васильевна Добромыслова, в далекой Хакассии сорок лет преподает Федор Васильевич Коноплев, в украинском селе Обтово Мария Кирилловна Иваницкая за шестьдесят лет работы не оставила на второй год ни одного ученика. Сколько за этим упорного труда, сколько подлинной любви и творчества, сколько исканий! Труд учителя — это чудесная, умная работа, требующая громадных душевных сил, зоркости, проникновения, и многие, многие люди, посвятившие себя этому святому труду, работают горячо, самозабвенно, поистине вкладывают в свое дело всю душу, подчас даже не подозревая, что они открывают новые, еще не изведанные пути в воспитании, обучении и познании ребенка.

А надо, чтобы они знали это, чтобы могли поделиться друг с другом хорошей мыслью, новой удачей, надо, чтобы открытие одного обогащало всех. Но каким образом учителю в Сибири узнать, что делается в московской школе? Как педагогу-москвичу узнать о том интересном и важном, чего достиг учитель в Сибири? Кто изучает их опыт и на его основе подсказывает всему советскому учительству новые пути, новые методы работы?

Естественно, обращаешься мыслью к Академии педагогических наук: вот кто должен по крупицам собирать драгоценный опыт, отыскивать его повсюду, — потому что повсюду работают учителя — инженеры детских душ, — обобщать этот опыт и открывать новые перспективы школе, педагогу.

Академия педагогических наук была организована более четырех лет назад. Для того чтобы она могла широко развернуть свою деятельность, ей была придана сеть институтов: институты теории и истории педагогики, методов обучения, психологии, дефектологии, художественного воспитания и т. д. Всего 7 институтов с многочисленной — в 555 человек — армией научных работников.

Основание академии стало радостным, значительным событием. Создание специальной Академии педагогических наук снова подчеркнуло: в нашей стране все должно быть сделано во имя ребенка, будущего человека, для того, чтобы он рос достойным тружеником и подлинным зодчим коммунистического Завтра. Во имя этого должна неустанно творчески работать и советская педагогическая мысль.

Не сразу могли выйти в свет первые труды академии: каждая область науки требует кропотливого, углубленного исследования. Но теперь можно подвести первые итоги.

В списке монографий, изданных Академией педагогических наук, 15 книг. Среди них: «Возвращение ослепших к трудовой жизни», «Глаз и его работа», «Ночное зрение», «Парта», «Восстановление движения». Слов нет, все это важные темы. Многие из названных работ по-настоящему хороши и интересны. И однако этот перечень вызывает тревожное чувство. Ведь если прислушаться к тому, о чем говорят педагоги, что их волнует, то сам собою сложится совсем другой список.

Как вести идейно-политическое воспитание учащихся? Как воспитывать сознательную дисциплину? Характер? Как развивать материалистическое мировоззрение? Как воспитывать патриотизм, интернационализм? Как создать правильную, тесную связь и взаимную помощь семьи и школы? Как строить внешкольную работу? Как должен работать классный воспитатель? И еще десятки подобных вопросов волнуют учительство. Ни одна из этих крупных педагогических проблем за четыре года не решена в стенах Академии педагогических наук.

Чувство недоумения усиливается, когда знакомишься с издаваемой академией педагогической библиотекой учителя. Тут 33 книжки — об устном счете, о том, как повторять курс физики в 10 классе, как преподавать рисование, хоровое пение... Опять-таки, темы нужные, они принесли учителю несомненную пользу, но разве могут они заменить книги по теории педагогики?

Среди 33 книг только одна посвящена воспитательной проблеме — книга Э. И. Моносзона «Воспитание сознательной дисциплины учащихся». За каждым теоретическим положением в этой книге следуют доказательства, но среди этих доказательств нет самого убедительного: «Я видел», «мой опыт мне подсказывает». За каждым положением следуют цитаты из журналов и газет, иной раз десятилетней давности.

Непосредственное наблюдение — что может быть дороже для ученого, для исследователя в любой области? Того, что видишь и слышишь сам, нельзя заменить ничем. Посещать и описывать уроки — это, конечно, еще не научное исследование, это лишь далекие подступы к нему. Но когда и этого не делают, когда все берется из третьих рук, из чужих статей, понаслышке, тогда уже просто не приходится говорить о научном исследовании: всякая теоретическая работа, созданная на такой основе, останется схоластической, мертворожденной, и она ничего не даст тому, ради кого написана, — ничего не даст учителю.

Институтом истории и теории педагогики подготовлена к печати работа члена-корреспондента Академии педагогических наук Н. А. Рудика «Воспитание воли и характера».

«...В деле воспитания воли, — читаем мы в этой рукописи, — мы должны всемерно добиваться интенсивного протекания связанных с волевыми действиями представлений во всех их связях и взаимоотношениях, т. к. это является необходимым условием воли».

«При всей своей обусловленности, — читаем далее, — биологическими особенностями организма, проявления темперамента допускают в значительной степени возможность сознательного контроля, что и позволяет развивать их в должном направлении».

Как «добиваться»? Как «развить в должном направлении»? Ответа нет. Рукопись полна словесной шелухи, сухих рассуждений. В них нет ни школы, ни детей, нет заинтересованного, увлеченного своим делом автора, нет души. Это холодная, сугубо кабинетная работа.

Вопросы внешкольного воспитания, пионерской и комсомольской работы все еще остаются пасынками для Академии педагогических наук. К началу 1945 года в Институте истории и теории педагогики выкристаллизовалось пять тем, посвященных пионерской и комсомольской работе в районе, но до сих пор еще ни один из запланированных трудов не увидел света! А те работы, которые подготовлены к печати, в точности повторяют недостатки, присущие книге Э. И. Моносзона: факты, взятые из третьих рук, и цитаты, цитаты... и та же категория долженствования: «надо», «необходимо», «важно», — а как сделать, чтобы было как надо?

Да, конечно, готовых рецептов в деле воспитания не может и не должно быть. Но почему же замечательный советский педагог А. С. Макаренко не боялся во многих случаях говорить свое твердое «да» и «нет», что-то решительно утверждать, а что-то отвергать? Почему он не считал, будто практическим советом в деле воспитания можно унизить педагогическую науку? Макаренко говорил, что нельзя наше учительство держать на постной пище кабинетных, абстрактных рассуждений. Книги по педагогике должны отражать жизнь школы — живую, горячую, бьющую ключом. Но то, что вышло в свет из недр Академии педагогических наук, оказалось именно такой постной, нес'едобной пищей. Об'яснение этому печальному положению одно: педагогическая теория страшно далека от школы, от учителя, от детей.

В «Литературной газете» (№ 48, 1948 г.) практический работник—школьный инспектор И. А. Иомдин—говорит о том, что Академия педагогических наук—это келейное учреждение, отстоящее от школы дальше, чем от Северного полюса. Это справедливый упрек. Перед нами план работы академии на 1948 год. В этом плане нет крупных исследований, которые двигали бы вперед советскую педагогическую науку; многие темы надуманны и несущественны, лишены жизненного, практического значения.

Как известно, цифры иной раз бывают красноречивее слов. Вот что говорят о деятельности Академии педагогических наук некоторые цифры: из 72 действительных членов и членов-корреспондентов только 41 по плану 1948 года занят разработкой отдельных тем и проблем.

За 4 года член академии проф. А. Я. Хинчин написал 2 печатных листа «О формализме в преподавании математики» и подготовил еще одну работу в 3 печатных листа. Старший научный сотрудник Института теории и истории педагогики В. К. Бобровникова за 4 года написала две работы, об'ем которых составляет три с половиной печатных листа.

Мягко, очень мягко говоря, этого мало. Слишком дорого обходится государству каждая строчка этих научных трудов, слишком скупо производятся на свет эти строчки. Конечно, научные труды измеряются не килограммами исписанной бумаги, а все же значение темы, удельный вес книжки или статьи должен находиться в каком-то пропорциональном соответствии с затраченными на него временем и средствами. Ведь бюджет Академии педагогических наук в одном лишь 1947 году составил ни много, ни мало — 36 миллионов рублей!

Педагогическая наука должна проверяться практикой — опытом жизни и школы. В основе работы каждого из полутысячи сотрудников академии должен лежать глубокий и всесторонний учет того, что нужно школе. Надо, чтобы актив учителей при академии исчислялся не единицами, а тысячами. Нельзя, недопустимо, чтобы лучшие учителя, практические работники оставались в стороне от науки, чтобы она не интересовалась ими, не слышала настойчивого голоса жизни.

Тысячи ребят учатся в ФЗО и ремесленных училищах. Работа с этими детьми требует новых форм, потому что в таких учебных заведениях условия не те, что в обычной средней школе. Заинтересовалась ли Академия педагогических наук этой темой? Нет. «Почему?» — спросили мы в Институте теории и истории педагогики секретаря партийной организации тов. Шибанова и услышали чудовищный ответ:

— Это не по нашему ведомству.

Каким канцелярским скоросшивателем вместо живой человеческой души надо обладать, чтобы произнести такое! Спрашивается, к какому же ведомству относятся ребята из трудовых резервов? Что же они, не дети? О развитии, о воспитании, о будущем всех советских детей обязаны думать и заботиться в педагогическом «ведомстве».

Другая проблема: раздельное обучение. Несчетное множество вопросов возникает в связи с этим у учителей.

И вот люди ищут, пробуют, нередко ошибаются. А какие ответы, какую помощь могут они найти в серии библиотеки учителя или в журнале «Советская педагогика»? Ничего, решительно ничего!

Еще насущный вопрос: вот уже сколько лет в советской школе проводятся экзамены, в частности серьезные, ответственные экзамены на аттестат зрелости. Как нужно их строить, как готовить к ним учащихся? Тут еще много нерешенного, спорного. А с другой стороны, опыт накоплен богатый и интересный. Почему он до сих пор не обобщен?

Любопытная и многозначительная деталь. В плане Академии педагогических наук, который занимает 103 страницы, только однажды упоминается имя А. С. Макаренко, да и то в связи с изданием его собственных сочинений. Во всей Академии из 555 ее сотрудников только один человек занимается наследием этого замечательного педагога — его вдова Галина Стахиевна Макаренко. Никто не разрабатывает начатого им, никто не пытается уяснить, что именно устарело в его наследии, как связанное с определенным историческим этапом, и что продолжает жить сегодня, никто не осмысливает его великолепной работы и талантливых прозрений в свете тех новых задач, которые ежедневно, ежечасно ставит перед педагогикой школа. Наследство замечательного советского педагога отнесли из сегодняшней жизни в историю педагогики, несмотря на то, что Макаренко живет и в наши дни боевой, страстной жизнью. А его изучают наряду с педагогическими воззрениями протопопа Аввакума! В этом тоже выразилась оторванность Академии педагогических наук от жизни.

Почему Академия педагогических наук ничего не создала за четыре года? Почему она превратилась в стороннего, холодного наблюдателя и далеко отстала от непосредственных участников и творцов школьной работы?

Советская школа и учительство ждут от Академии педагогических наук, от ее президента И. А. Каирова ответа на этот вопрос.

Свыше 120 тысяч молодых специалистов, оканчивающих в этом году высшие учебные заведения страны (на 43 тысячи человек больше, чем в прошлом году), пополнят кадры промышленности, сельского хозяйства, органов просвещения и здравоохранения. Почетное место среди них займут будущие учителя сельских школ.
НА СНИМКЕ: Выпускники-отличники Андижанского учительского института Узбекской ССР (слева направо): А. Ганиев, С. Михманова, Ф. Темиров, Х. Мусаева, М. Ташходжаева. По окончании института они будут работать в кишлаках своей республики.
Фото С. Везносова (ТАСС).

Л. ПАСЫНКОВ

ФЕЛЬЕТОН

В поисках здоровья

Два литератора — пышущий здоровьем и хворый, исхудалый — сидели в уютной комнате в Серебряном переулке и пили чай (с мандариновым джемом). Беседовали они о том, что неожиданная концовка всегда украшает любое произведение литературы; они сошлись на одном — концовку надо приуготовить уже тогда, когда автор впервые окунул перо в чернила.

Коснулись басенных концовок Крылова, Дмитриева и Хемницера, не обошли вниманием манеру О'Генри и осудили его за механические эффекты.

— Что ж вы морщитесь?—осведомился здоровый литератор. — Надоел разговор?

— О, что вы! Но вот беда, как только увлекусь интересной беседой, шея дергается, затылок наливает тяжестью.

Здоровый покачал головой:

— Инервация сосудов мозга! Посоветуйтесь с невропатологом. Несомненно, он вам предложит Д'Арсонваль на шейные позвонки и шейные узлы.

Знаменитый невропатолог согласился насчет позвонков и узлов и прописал Д'Арсонваль.

— Вы, люди умственного труда, — говорил он, — должны себя освежать дома за письменным столом. Приобретите ручной аппаратишко — и дело в шляпе.

Заведующий физиотерапевтическим кабинетом, куда литератора направил невропатолог, подумал вслух: У него, мол, свой аппарат, но дать на длительное время не может. Эти вещи так редки!! Кажется, таким уникумом обладает его товарищ-врач.

На другой день литератор узнал, что наклевывавшийся уникум, увы, сломался. Зав. кабинетом посоветовал:

— Толкнитесь по министерствам СССР и РСФСР. Запаситесь солидной бумагой вашего учреждения. Ведь Д'Арсонваль — не ларчик, который просто открывается и просто дается в руки...

Машинистка отпечатала бумажку — обращение в Министерство здравоохранения СССР, куда литератор предварительно и позвонил.

— Вас слушает министерство, — любезно ответил женский голос. — Само министерство аппаратурой не занимается, ею занимается Главное управление медицинской промышленности. Звоните Кривогрузинский, 5, номер . . . . . !

Главное управление медицинской промышленности отозвалось мужским голосом:

— Д'Арсонваль? Понятия не имею! Удивляетесь, что я не осведомлен? Я еще многого не знаю! Позвоните к заместителю министра. Он с вами поговорит, а я выдумывать не стану. Ах, уже поговорили с секретаршей зама? Звоните тогда к начальнику технического отдела тов. Хейфецу! Запишите телефон...

— Думаю, вам лучше всего звонить прямо в Мединструментсбыт, — доброжелательно сказал тов. Хейфец. — Запишите телефон тов. Эдлиса. Вполне возможно, что он для вас кое-что любезно и выделит.

Тем временем литератор позвонил в управление делами Министерства здравоохранения РСФСР.

Секретарша обиделась:

— Разве об этих машинках звонят к министру? Позвоните в главк министерства — Росглавмедснаб. Запишите телефон...

— Какой же мы вам дадим аппарат,— прозвучал ехидный вопрос из Росглавмедснаба, — если у нас только медикаменты! Запишите-ка номер телефона и прямо звоните в Медоборудование.

— А в Медоборудовании знают о Д'Арсонвале?

— Да вы понимаете, что спрашиваете? Ведь там все оборудование, все медицинские аппараты, там и мышь не пробежит мимо Д'Арсонваля. Кстати, там, на Колобовском переулке, толковейший работник — товарищ Орлов, человек огромной практики. Прямо стучитесь к нему.

На звонок литератора отозвался сочный, исполнительный мужской голос:

— Говорит начальник отдела физиоаппаратуры Орлов. Ах, вы о Д'Арсонвале? Сейчас, в данную минуту, в Москве никоим образом ни в одном месте не приобретете. Нет в продаже! Эти аппараты — фондированные и в виду острого недостатка в магазины не поступают. Был бы избыток, — совсем иной разговор, а то нету! — Помолчав, тов. Орлов душевно сказал: — Все фонды на второй квартал выделены целиком по республикам и областям, — единственная ваша надежда на третий квартал. Имея наряд, прямо к нам и обращайтесь. Советую — пришлите заранее требование. Возьмем на учет. Вы попали на верный адрес; нам и звоните. Есть?

— Есть! — безнадежно ответил литератор и позвонил в Министерство здравоохранения СССР.

— Наряд будет? Если будет, звоните прямо на завод электрической аппаратуры: Большой Николо-Воробьинский переулок, 9/11, телефон... Директор Матов. Отнесется чутко, в особенности—при наряде. Прямо набирайте Матова.

Секретарша товарища Матова участливо попросила рассказать подробнее — хотя что еще подробнее можно поведать о машинке Д'Арсонваль? — и спросила:

— А наряд у вас есть?

— Есть бумажка.

— Бумажка бумажке — рознь! Полагаю, такое дело может разрешить только наш коммерческий директор тов. Хайкин. Звоните без стеснения. Он человек отзывчивый. Вот номер телефона. Набирайте Хайкина...

Коммерческий директор отнесся сочувственно, но сам, к сожалению, помочь не мог, зато посоветовал:

— Вы знаете, как набирают товарища Крючкову? Она у нас заведующая сбытом заводской аппаратуры. Вот вам телефон, наберите Крючкову и действуйте вообще смелее...

— ... Никоим образом и совершенно не так! — холодно отпарировала тов. Крючкова и учительно прибавила: — Где же видано, чтобы производство продавало свое производство? Попытайтесь купить через Мединструментсбыт. Обратитесь к конторе. Ей сдаем аппараты, и контора реализует по разнарядкам. Звоните и прямо просите Эдлиса.

Тов. Л. И. Эдлис совершенно демократически обещал быстро оформить бумажку, — приходите хоть сейчас. И литератор немедленно устремился на Кривоколенный переулок, в Мединструментсбыт, где и узнал, что тов. Эдлис отбыл.

В узкой комнате, украшенной медаппаратурой, за столом сидел зам. директора тов. Вайнштейн. К документу, украшенному фирменным знаком и многогранной лиловой печатью, зам. директора отнесся, правда, с солидной хмуростью, но и с достаточной снисходительностью. С минуту он думал. С минуту ёкало сердце посетителя, точно сердца коснулся электрод Д'Арсонваля. Затем зам. директора позвонил, справился о наличии аппаратов, скупо поводил в воздухе карандашом и все же, поборов скаредность, начертал в углу документа:

«Магазин № 1, тов. Генделеву. Прошу отпустить».

Итак, спасительная бумажка подписана, и бедный проситель, держа документ в руке и поминутно взглядывая на него, как взглядывает ребенок на пряник, поспешил в магазин.

В магазине «Медицинское оборудование» на Валовой улице он подошел к полкам, над которыми внушительно сияли золотые буквы «Демонстрационный отдел».

На литератора сверкнула стеклом электродов шеренга ящиков, — машинка Д'Арсонваль «120, 220». Паспорт сообщал, что машинка выпущена в свет в Москве, Главинструментом, заводом электромедицинской аппаратуры «ЭМА».

Голова закружилась, ноги подогнулись. Литератор молитвенно взглянул на продавщицу:

— Бумажку спустить прямо через министерство СССР? Или еще прямее — через министерство РСФСР?

— Если покупаете за наличные, — сказала продавщица, — платите в кассу.

Простотой и бедностью ответа литератор, обладавший вкусом, был оскорблен. Сосуды его мозга были инервированы и шокированы в высшей степени. Как так? Просто в кассу? А два министерства, а Главунрмедпром, а Росглавмедснаб? А Медоборудование, а Мединструментсбыт? А отдел физиоаппаратуры? А завод с его двумя директорами и с его завсбытом? Нет, тут, в кассе, ощущалась явная западня!

—Что ж, заверните!—произнес литератор и глубоко вздохнул, прикрыл глаза и заметил фаталистически:—А я и не знал, что есть, что существует в Москве единственный островок спасения—ваш магазин!

— Почему же единственный? — возразила продавщица. — Есть и на Арбате, угол Серебряного... вообще продается в магазинах...

***

За столом, сервированным банкой мандаринового джема, машинкой Д'Арсонваль, ванильными сухариками, а также другими предметами гостеприимства, хворый литератор говорил здоровому:

— Вот вам и концовка моих поисков! Каюсь, написал много романов, а человека, руководящегося только силой привычки и полностью равнодушного к ближним, плохо знал. Вот теперь другое дело! Теперь, когда ко мне проявляют заботливость, я настораживаюсь и жду, жду конца. Теперь-то я хорошо понял, что солидность, авторитетность и непререкаемое «всезнание» не стоят и ломаного гроша, если не сопровождаются простым знанием дела, добросовестной осведомленностью, желанием действительно быть полезным.

Это принадлежит детям!

ВОПРЕКИ РЕШЕНИЯМ ГОРИСПОЛКОМА

Наш школьный детский дом № 6 в городе Новочеркасске воспитывает 130 детей погибших воинов.

Организован он всего лишь 10 месяцев назад в тесном здании бывшей школы глухонемых. В детском доме нет изолятора с отдельным входом. Не имея комнаты для игр, дети большую часть дня проводят в коридоре. А, между тем, во дворе детского дома имеются два флигеля, занятые посторонними жильцами.

Осенью 1947 года, когда проходил смотр готовности детдомов к зиме, горисполком вынес решение о передаче нам двух флигелей во дворе под изолятор и служебные помещения. Решение это не выполнено. Начальника жилуправления тов. Тариченко это не беспокоит.

После долгих наших хлопот горисполком вынес вторичное решение. В отличие от первого, на этот раз было намечено к 20 апреля с. г. передать нам только один флигель.

Какова же судьба этого второго—урезанного — решения?

Во флигеле живет подполковник в отставке Лях. Он попросту отказался освободить помещение. Все местные организации весьма почтительны к нему, и подполковник, чувствуя это, считает себя хозяином во дворе. Он даже не разрешает в часы своего отдыха детям играть во дворе.

Мы уважаем заслуги подполковника и понимаем, что ему нужен покой, но необходимо посчитаться и с воспитанниками, которые в нашем детском доме нашли свою родную семью и хотят весело жить, учиться, иметь комнаты для игр, занятий.

Заведующая учебной частью детского дома Е. ШВАРЦЕНБЕРГЕР

Посетители редакции рассказывают

Нужна беспристрастная экспертиза

Инженеры А. Н. Журавлев и М. И. Амельченко приехали из Гомеля. Они вынуждены были срочно прибыть в столицу, ибо волнующее их дело вступило в такую стадию, когда дорог каждый день.

А дело это, несомненно, заслуживает общественного внимания. Вот в чем его суть.

Отступая из Гомеля, немцы взорвали крупнейший в Белоруссии элеватор. Его железобетонный корпус, высотой в двадцатиэтажный дом, сместился с фундамента и накренился под углом в 20 градусов.

Главный инженер Гомельского строительно-монтажного управления тов. А. Н. Журавлев составил еще в 1946 году оригинальный, технически смелый проект восстановления элеватора.

Замысел был разработан до деталей, воплощен не только в чертежи, но и в модель. Автор привез ее в редакцию «Литературной газеты» и наглядно продемонстрировал процесс восстановительных работ.

Эксперт научно-технического совета Министерства заготовок тов. М. Г. Головин дал предложению Журавлева положительную оценку. В июле 1947 года оно было одобрено техническим советом.

Казалось бы,—все?

Увы, нет!

В «Промзернопроекте» нашлись сомневающиеся. Это были авторы нескольких забракованных ранее проектов.

Пользуясь тем, что своя рука — владыка, они отложили в сторону решение технического совета министерства и принялись спешно разрабатывать еще один вариант восстановления элеватора, использовав для этого «новейший опыт США», почерпнутый... из старых журналов.

Закончив в текущем году свой пятый вариант, они решили окончательно доканать давно одобренное предложение Журавлева и послали его снова на заключение эксперту, но уже не Головину, а своему постоянному эксперту профессору Бушкову. Последний был выбран именно потому, что за две недели до этого не кто иной, как он, одобрил последний вариант «Промзернопроекта».

Соперники Журавлева не ошиблись: заключение второго эксперта было диаметрально противоположно заключению первого.

Оба проекта поступили снова на рассмотрение технического совета, где инженеру Журавлеву была предоставлена «широкая возможность» высказаться в продолжение... 15 минут. Казалось бы, поскольку Журавлев докладывал, нужно было пригласить на заседание и эксперта М. Г. Головина. Его, однако, на заседание не вызвали. Быстро перечеркнув первое решение, техсовет отдал предпочтение своей министерской конторе, приняв ее вариант, резко удорожающий стоимость восстановительных работ и, главное, затягивающий сроки их выполнения.

Никто не попытался серьезно, глубоко вникнуть — почему эксперты высказали совершенно противоположные точки зрения по поводу одного и того же проекта; никого не взволновало — почему задержалась на год реализация одобренного техническим советом предложения Журавлева.

Возрождение огромного элеватора — сложная техническая задача. Откладывать ее решение нельзя. Инженер Журавлев, а заодно с ним — главный инженер по техническому надзору за строительством тов. Амельченко, глубоко уверенные в реальности однажды уже одобренного проекта, требуют, чтобы он был серьезно и беспристрастно обсужден.

Окружное совещание армейских писателей

Газета Северо-Кавказского военного округа «Красное знамя» провела на-днях окружное совещание начинающих армейских писателей. Участники совещания заслушали доклады и лекции: критика И. Браиловского — «Решения ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве и задачи советских писателей», кандидата филологических наук А. Костанова — «Пути развития советской поэзии», редактора газеты «Красное знамя» полковника Мельянцева — «Задачи армейских писателей» и другие.

В работе совещания приняли участие члены Ростовского отделения ССП—писатели В. Фоменко, А. Фарбер, В. Жак. Они руководили работой семинаров по прозе и поэзии. На семинарах были подвергнуты детальному разбору рассказы участников совещания: капитана Райкова, ст. лейтенанта Климова, стихи ст. сержанта Беляйкина, сержанта Ладоненко, рядового Черепанова и других.

НЕОТЕКТОНИКА

Учение о новейших движениях земной коры

Когда и как возникли океаны, образовались материки, какие силы управляют жизнью нашей планеты? Эти вопросы с незапамятных времен интересуют людей.

Исследуя данные геологической с'емки Кавказского хребта, ученые пришли к заключению, что в этом районе сейчас происходит неравномерное поднятие всей горной системы. Высокоточная нивелировка, произведенная геодезистами между Дербентом и Баку, подтвердила эту мысль. Древняя береговая линия Каспия поднимается здесь из года в год. Максимальная величина поднятия за 20 лет достигает 36 сантиметров и точно совпадает с продолжением оси главного Кавказского хребта.

Одновременно археологи обнаружили, что каменоломня, которой пользовались 1.500 лет назад во время постройки Дербентского дворца, находится сейчас на дне Каспийского моря (на глубине 5—7 метров). Это уже служит доказательством не поднятия, а погружения участка суши. Чем об'яснить такое противоречие?

Основываясь на геологическом исследовании Сибири и Европейской части СССР, академик В. А. Обручев сделал важное теоретическое обобщение. Он подтвердил мысль, что земная кора сейчас движется так же, как она двигалась и в более отдаленные геологические периоды.

Анализ и сравнение результатов наблюдений геологов, географов, геодезистов, сейсмологов, геоботаников, археологов и других ученых позволили профессору Н. И. Николаеву нарисовать общую картину этих движений. По его схеме, новейшие движения земной коры имеют сложный колебательный характер и происходят на всей поверхности материков и на дне океанов. Поднятию земной коры в одном месте соответствует опускание ее в другом.

Теперь становится понятным, почему старая дербентская каменоломня погрузилась на дно Каспийского моря.

Особый интерес представляет работа профессора В. В. Белоусова, установившего общие законы колебательных движений земной коры и нарисовавшего картину этих процессов в прошлом и настоящем.

Но как ни велики достижения наших ученых, многие важные проблемы, связанные с новейшими движениями земной коры, остаются пока неразрешенными. В частности, антропологами давно установлено, что Австралия была заселена индонезийскими племенами еще в те времена, когда не существовало мореплавания. Как они попали туда? Быть может, когда-то индонезийские острова и австралийский материк были соединены сушей, позднее опустившейся на дно океана?

Пресноводные породы рыб, которые встречаются в Амуре и для которых соленая вода является абсолютно нежизненной средой, попадаются также в реках Сахалина и Японии. Каким путем они перебрались туда? Основываясь на исследованиях советского ученого проф. Г. У. Линдберга, можно предположить, что русло Амура некогда проходило по суше, соединявшей материк с Японскими островами и Сахалином.

Дальнейшая разработка вопросов новейших движений земной коры нужна не только для решения задач истории, биогеографии и антропологии. С этими движениями связано распределение полезных ископаемых, их надо принимать в расчет при постройке крупных гидротехнических сооружений, при высокоточных астрономо-геодезических работах и. т. д.

Не случайно учение о новейших движениях земной коры, начатое великим Ломоносовым, получило у нас широкое развитие, и мы намного опередили в этой области зарубежные страны. В разработке этой важной проблемы участвуют различные учреждения нашей страны. Накоплен большой фактический материал, который, однако, полностью еще не систематизирован.

Недавно географическая секция Московского общества испытателей природы, по инициативе академика В. А. Обручева, профессоров Н. И. Николаева, И. С. Щукина и В. В. Ламакина, организовала всесоюзное совещание, посвященное изучению новейших движений земной коры.

Совещание вызвало большой интерес среди ученых. В его работах приняли участие представители 80 научных учреждений страны. На семи заседаниях выступили крупнейшие ученые Союза — академики В. Н. Сукачев, В. А. Обручев, А. Н. Заварицкий, проф. Н. Н. Зубов, проф. В. А. Варсанофьева и другие. Было заслушано 19 докладов.

По предложению академика В. А. Обручева, совещание присвоило учению о новейших движениях земной коры название неотектоники, выделив его, таким образом, в самостоятельную ветвь геологической науки.

Совещание решило, что разработку вопросов неотектоники надо вести об'единенными силами ученых различных отраслей знаний. Намечается организовать комплексные работы в наиболее активных в тектоническом отношении районах.

В. ГАЛЕЕВ.

Б. БЯЛИК

БЕССМЕРТИЕ

12-я годовщина со дня смерти А. М. Горького

В прошлом веке в русской литературе произошел знаменательный спор о смерти и бессмертии и о возможности счастья для человека. Этот философский спор отнюдь не страдал отвлеченностью. Напротив, как это было вообще характерно для русской литературы и для русской философии, он оказался неразрывно связанным с самыми острыми вопросами современности.

Точку зрения передовой части общества высказали революционные демократы. Белинский писал, что только тот счастлив, кто видит свое бессмертие в борьбе за светлое будущее, кто не теряет из виду путеводной звезды, указывающей на цель этой борьбы, и кто всегда верен призыву: «Борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты—братья твои насладятся им». Эту мысль широко развил Чернышевский в романе «Что делать?», проникнутом беспредельной верой в то, что «будущее светло и прекрасно» и что нет и не может быть большего личного счастья для человека, чем борьба за это будущее.

Иную, прямо противоположную точку зрения проповедывал Достоевский: человеку не дает радости мечта о грядущих «хрустальных храмах» свободы, человек не хочет дожидаться «всеобщего счастья», не хочет «унавозить кому-то будущую гармонию», а хочет жить только для себя самого.

Так столкнулись две враждебные друг другу точки зрения на человека и на человеческое призвание. Одна из этих точек зрения означала призыв к борьбе против реакции, другая—призыв капитулировать перед реакцией. Забыв об этом споре, нельзя понять многого в творчестве молодого Горького: он вошел в литературу как ближайший наследник революционной демократии и как враг ее врагов.

Выражая в «Песне о Соколе» и в других своих произведениях идею беззаветного служения народу, Горький продолжал и развивал самые лучшие традиции русской литературы. Было бы поучительно проследить, как рос этот пафос от лермонтовского «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой», через некрасовское «Буря бы грянула, что ли» к горьковскому «Пусть сильнее грянет буря!». Для нас здесь особенно важно подчеркнуть прямую связь раннего творчества Горького с революционно-демократической литературой. Горький не просто продолжил эту литературу, — он поднялся на новую ступень, выразив идеи пролетариата.

Дзержинский писал когда-то, в годы глухой реакции, в своем тюремном дневнике: «...Теперь, когда, быть может, на долгие годы все надежды похоронены в потоках крови, когда они распяты на виселичных столбах, когда много тысяч борцов за свободу томится в темницах или брошены в снежные тундры Сибири, — я горжусь. Я вижу огромные массы, уже приведенные в движение, расшатывающие старый строй, — массы, в среде которых подготовляются новые силы для новой борьбы... Я горд тем, что я с ними, что я их вижу, чувствую, понимаю и что я сам многое выстрадал вместе с ними. Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И, тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В этих прекрасных словах раскрылся с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что вся она отдана делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшие произведения нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достойное того, чтобы его назвать в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно гордую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал». В № 11 журнала «Пионер» за 1945 год была посмертно опубликована сказка А. Гайдара «Горячий камень».

Тот «горячий камень», о котором рассказано в сказке Гайдара, — это волшебный камень, способный вернуть человеку молодость и дать ему возможность «начать жизнь сызнова». Камень этот был найден мальчиком Ивашкой, которому минуло восемь лет, и «жить начинать сначала, то-есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе». Но Ивашка вспомнил о колхозном стороже, о хромом, изведавшем немало горя старике, и рассказал о волшебном камне ему. Стоило старику ударить по камню, и жизнь началась бы сначала. К удивлению Ивашки, старик отказался. И он рассказал Ивашке историю своей жизни. В этой жизни было действительно много тяжелого, но всю ее освещала мечта, что наша Родина станет «такой вот, как она сейчас,—могучей и великой». Мечта осуществилась. «...Это ли еще, глупый Ивашка, не счастье? И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно?..»

И вот конец этой сказки:

«Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была неспокойна совесть, плохое настроение. «А что,—думаю, дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала?»

Однако, постоял-постоял и во-время одумался.

«Э-э! — думаю,—скажут, увидав меня помолодевшим, соседи: вот идет молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Такую сказку мог создать только советский писатель и только на горьковских путях литературы. Как много должно было произойти в истории, чтобы такой вид приняла старая «фаустическая» тема! Как много должно было произойти в жизни, чтобы мальчик, родившийся в 1904 году в Арзамасе — в том самом Арзамасе, который казался в былые времена Горькому символом застойной, мещанской, окуровской Руси, — мог стать писателем и создать произведение такого пафоса! Для этого должна была родиться героическая армия большевиков, вся — от вождей своих до рядовых бойцов, — проникнутая презрением к смерти во имя победы. Для этого на месте старой окуровской Руси должна была вырасти великая социалистическая держава, в которой каждый человек осознал себя «хозяином своей судьбы», «кузнецом своего счастья».

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературной реакцией. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поднят такой шум вокруг пьесы О'Нейля «Продавец льда грядет», в которой воспроизведены самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная полемика с Горьким, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек—это великолепно... это звучит гордо!» О'Нейль называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и хозяев. Правда — бог свободного человека». О'Нейль доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мраморных храмов» свободы (здесь только сменен эпитет: «хрустальные» на «мраморные», а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья»), «отречение» от них на том основании, что всякая борьба бессмысленна и бесцельна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

О времени и о себе

«Люди колхозных полей»

Записки Паши Ангелиной

Журнал «Октябрь» (№ 6) напечатал автобиографию Паши Ангелиной «Люди колхозных полей». Это — рассказ советского человека о себе, а следовательно, и о людях, в трудовом общении с которыми складывалась его жизнь. Путь Ангелиной — путь большого государственного деятеля; круг людей, с которыми она встречалась на этом пути, широк и разнообразен, и потому ее правдивый рассказ может быть с полным правом назван рассказом **о времени и о себе.**

В ее записках излагается история формирования и развития характера нового человека советской деревни, излагается просто и без прикрас, но сама эта история так увлекательна и вдохновляюща, что от книги невозможно оторваться.

Подобно многим героям своей книги, Паша Ангелина с юных лет идет по жизни, как активный борец за новое, вызванное социалистическим укладом нашего сельского хозяйства.

Первые страницы этой книги дают сжатую, но точную картину деревни конца 20-х годов. Жизнь молодой девушки была борьбой — борьбой с врагами колхозного строя, борьбой и за утверждение права на выбор своего пути в жизни. Унаследованная от отца мечта «добраться до жирности земли, дать моей стране много золотистого зерна», дружба с книгой побуждают девушку рваться на передний край борьбы за хлеб. « — Учись, Пашенька, бог даст, учителькой станешь, — советовала мать. — Последнее отдадим, ничего не пожалеем, только учись. Парням, им-то на тракторе работать сподручнее, но только не тебе. — Обидно было, что и мать не хотела понять меня».

В тридцатом году восемнадцатилетняя девушка становится первой в стране трактористкой. Два года спустя она организует первую в стране женскую бригаду. В тридцать пятом году об успехах бригады узнает Родина; смелый почин подхвачен во всех концах страны.

Когда простая крестьянская девушка стремилась к рулю трактора, она, конечно, не могла полностью понять огромный исторический смысл своего почина. Она только смутно угадывала те преимущества, которые даст механизация обработки земли в борьбе за высокий урожай, и потому стала ярым приверженцем этой идеи. Лишь впоследствии осознáет она всю значительность избранной ею профессии. В волнении она остановится тогда у Ленинского мавзолея.

«Ленин!.. Он мечтал о ста тысячах тракторов для России. Не знала я об этой ленинской мечте, когда весною тридцатого года впервые села за руль трактора, но сердцем чувствовала ленинскую мечту...

Должно быть, я сильно волновалась, потому что люди со стороны смотрели на меня с удивлением. Но ведь я совсем тихо, неслышно для окружающих сказала:

— Владимир Ильич! Сбылась ваша мечта!»

И в дальнейшем, уже не стихийным приверженцем нового, а сознательным его пропагандистом и неутомимым борцом за него пойдет Паша Ангелина по трудному и радостному пути строительства социалистического сельского хозяйства, поддерживаемая твердой рукой партии, ободряемая ласковым словом великого Сталина.

Роль смелого новатора, зачинательницы массового движения трактористок, сама по себе столь значительна исторически, — если оценить ее с точки зрения последующего опыта и особенно опыта военных лет, — что будь у Паши Ангелиной только эта заслуга перед Родиной, и то ее имя навсегда сохранилось бы в истории строительства нового общества. В умной памяти народа, помнящей все хорошее, благодарно хранятся имена тех, кто когда-либо внес первый вклад в общенародное дело, даже если этот вклад был потом неизмеримо превзойден последователями. Мы с благодарностью вспоминаем имена многих женщин-крестьянок, инициаторов того или иного движения, чьи рекорды или методы ныне уже не являются исключительными. Имена этих женщин — славное прошлое нашей колхозной деревни.

Имя Паши Ангелиной — не только прошлое, но и настоящее. Она не остановилась,—около двадцати лет она неустанно ищет, совершенствуясь в творчестве новых форм жизни. В 1935 году Ангелина дает от имени бригады личное обещание товарищу Сталину выработать по 1200 гектаров на трактор и вырабатывает по 1225 гектаров. В 1938 году бригада Ангелиной вырабатывает по 2700 гектаров, и по всей стране звучит призыв ее бригадира: «Сто тысяч подруг, —на трактор!», — призыв, на который откликнулись 200 тысяч женщин. В годы войны в далеком Казахстане ее бригада ведет борьбу за высокий урожай, и колхоз получает невиданные в этих краях 30 центнеров с гектара. Этим далеко не исчерпывается список побед неутомимой бригады и ее организатора, побед, из которых наиболее трудно добытой и, может быть, самой героической была победа на разоренной немцами старо-бешевской земле в засушливое лето сорок шестого года.

Автобиография доведена до февраля текущего сорок восьмого года. Она заканчивается отчетным собранием колхоза. В результате сознательного напряженного труда достигнут еще один славный рубеж. Колхоз снова, как в былые, довоенные годы, стал богатейшим колхозом на Украине. И с высоты достигнутого настоящего, перед взорами колхозников их руководитель Дмитрий Коссе развертывает заманчивую перспективу завтрашнего дня.

Как бы сегодня Горький, неутомимый апостол нового, порадовался появлению такой книги, как «Люди колхозных полей»! Массовый трудовой героизм колхозниц — яркое свидетельство того, что они глубоко поняли и оценили освободительную силу колхозного строя. Из среды женщин ныне выходят уже не только преданные люди, вкладывающие все силы, всю душу в укрепление нового строя, но, подобные Ангелиной, — вожаки, те, кто ведет и воспитывает других.

Наша художественная литература пока не сумела запечатлеть этот уже утвердившийся в советской деревне характер. Писатели, даже правильно устремляя внимание, например, на фигуру тракториста, порою бывают далеки в ее изображении от истины. Это показывает простое сравнение записок Ангелиной с образом,—кажется, единственным пока в литературе последних лет, — трактористки Насти из романа «Горячие ключи» Елизара Мальцева. Симпатичный сам по себе, образ этот выглядит робким и провинциально убогим, отставшим на доброе десятилетие в сравнении с энергичным, интеллектуальным образом автора записок.

Да и много ли у нас рассказано о современной деревне, о ее рабочей прослойке— трактористах и комбайнерах, о ее новой интеллигенции, о поколении, составляющем ведущую силу нынешнего колхозного села! Законченный в этом году роман С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» впервые показал сегодняшнюю деревню такою, какова она есть, полной молодых сил, большевистского духа, пытливой мысли, вдохновляющей энергии, устремленной в будущее. Новаторское значение романа С. Бабаевского несомненно.

До сих пор во многих колхозных повестях и романах, по традиции, руководители района, МТС, а иногда и колхоза изображаются как люди пришлые. Но такое положение было характерно для начала 30-х годов, когда под руководством социалистического города деревня еще только становилась на социалистические рельсы, для времен поднимаемой целины, но отнюдь не для сегодняшнего дня.

В романе С. Бабаевского впервые показано, что наше колхозное крестьянство достигло такой степени социалистической сознательности, что способно в массе своей рождать творческие планы улучшения жизни, выдвигать вожаков из собственной среды. И та резкая грань в психологии между районным руководителем и рядовым колхозником, которая существовала в первые годы коллективизации, давным давно не существует. Колхозный строй явился твердой базой, на которой с первых же лет начался процесс стирания граней между умственным и физическим трудом, процесс, стремительно развивающийся, приведший в настоящем к массовому рождению новой сельской интеллигенции.

На примере биографии Ангелиной раскрывается, как и в романе «Кавалер Золотой Звезды», сущность процессов, происшедших за годы колхозного строя в экономике села и психологии крестьянина. Основным признаком нашего развития является то, что сама система жизни неустанно рождает новое, которое смело и настоятельно вступает в бой с устаревшим, со старым, с тем, что еще вчера было новым.

Есть в книге замечательный разговор председателя колхоза Д. Коссе с Пашей.

Коссе упрекает ее в том, что она стала редко бывать в правлении колхоза.

«— Насколько мне память не изменяет, я вчера с вами виделась, — сказала я.

Дмитрий Коссе спохватился.

— Вчера? Правда, правда. Вчера. Но ведь сегодня дела новые...»

И он начинает развивать в разговоре план, кардинально меняющий облик полей.

Народ удэге кочевал по дебрям дальневосточной тайги, по горам Сихотэ-Алиня. Удэгейцы были прозваны в старину «лесными людьми». Почти вымер этот древний воинствующий народ. И исчез бы последний из удэге, если бы советская власть не возвратила этот народ к жизни, как и многие другие народы.

В большом селении Гвасюги, у долины реки Хор, вырос колхоз, где счастливые дети удэгейцев учатся в школе-семилетке, где крестьяне после трудов проводят свой досуг в избе-читальне, в клубе.

Недавний кочевник-охотник удэгеец Джанси Кимонко, окончивший в Ленинграде Центральные курсы советского строительства, вернулся к себе на родину в Гвасюги и стал председателем сельсовета. Джанси Кимонко — первый удэгейский писатель. Его стихи и песни на родном языке пользуются популярностью у удэгейской молодежи. Он описал жизнь своего народа в автобиографической повести «Зарево над лесами», напечатанной в русском переводе в журнале «Дальний Восток» за 1948 год.

НА СНИМКЕ: Писатель Д. Кимонко (слева) на заседании правления колхоза в селе Гвасюги района имени Лазо. Справа — председатель колхоза М. Килундзюга.

Фото В. Байдалова

«...Без вопроса — «благодаря чему?»— нельзя понять и оценить жизненный путь советского человека, а, значит, и мой, — писала П. Ангелина в ответе на анкету нью-йоркской «Мировой биографической энциклопедии». — Главное ведь не во мне лично... А в том, что мой под'ем не есть исключение. И если тот господин,* как сказано в журнале**, «вышел из народа» в лорды, то я поднялась вместе со всем народом. Вот в чем главное».

Жаль, что этот ответ, напечатанный в свое время в «Литературной газете» (№ 50 за 1947 год), ответ, полный сознания своего советского превосходства, не вошел в автобиографию.

Записки Ангелиной дают прямой и точный ответ на то, кто поднял ее автора и миллионы других людей к государственной исторической деятельности, кто наполнил душу молодой девушки страстью созидания, взволновал ум необоримым стремлением к творческой борьбе. Это — партия большевиков в лице ее лучших представителей, — таких, как начальник политотдела Иван Михайлович Куров.

Умный и чуткий большевик, Куров первым оценил, какое приобретение делает район в лице этой девушки, с волнением и задором исповедующей ему свою мечту о работе на тракторе. И по-большевистски открыл он перед ней перспективы ее почина, исключение принял, как правило для будущего.

Прошло около трех лет, и уже сам великий Сталин ставит перед Ангелиной новую задачу, развертывает перспективу общегосударственного значения. Во время ее выступления на совещании передовиков сельского хозяйства, вслушиваясь в ее обещания достигнуть еще лучших показателей, он одной репликой подсказывает направление дальнейшей деятельности.

«Кадры, товарищ Ангелина, кадры!» Эти сталинские слова открыли для нас широкие горизонты, заставили меня по-новому мыслить, иными глазами смотреть на окружающий мир... Это была новая большая задача, следующая ступень роста. Теперь нам нужно было не только самим давать высокую выработку, но и других научить этому».

Слова товарища Сталина о кадрах выражали не только заботу о создании новых отрядов девушек-трактористок. Они, как правильно подмечает Ангелина, указали ей на «следующую ступень роста», направление ее собственного развития. Передовым в сельском хозяйстве может быть только тот, кто ведет и воспитывает других. Это высказанное более двенадцати лет назад сталинское предвидение ныне стало характерной чертой сегодняшнего нового в нашей колхозной действительности.

Внимательно и бережно направляла партия развитие самородного таланта, превращая этот талант в государственный ум, поднимая его до сознания общегосударственных задач.

Книга П. Ангелиной — большое событие в потоке нашей документально-художественной литературы. Это первый подробный, освещенный мыслью рассказ советской женщины-крестьянки о себе. В ее автобиографии правдиво отразился век. Первая в стране трактористка стала и первым автором книги о новом типе советской крестьянки.

«Люди колхозных полей» в том виде, в каком они появились в журнале «Октябрь», нам представляются лишь первым наброском будущих записок, которые должна написать Ангелина. Ее книга заслуживает быть столь же красивой по форме, сколь глубока и значительна она по содержанию. Автору надо помочь и в овладении профессиональными приемами литературного мастерства, в развитии пока еще природного и не отшлифованного литературного вкуса. Но и в настоящем виде записки Ангелиной заслуживают немедленного издания массовым тиражом. Это отличная, очень нужная книга для массового читателя, ищущего в нашей литературе примеров, достойных подражания.

А. МАКАРОВ

* Имеется в виду лорд Бивербрук.

** «Британский союзник».

Публицистическая лирика

Сергей ЛЬВОВ

1. О ПРАВЕ ПОЭТА НАЗЫВАТЬСЯ МОЛОДЫМ

Эта статья была сперва задумана, как статья о публицистической лирике молодых поэтов. Но тут сразу же возник существенный вопрос: что такое молодой поэт? Ведь не все журналы и не все издательства печатают стихи, оговаривая специально стихи молодых. Ну, а если не знаешь биографических данных, как быть тогда? В голову приходит простое и, казалось бы, единственно правильное решение: молодость поэта не может не сказаться в его творчестве.

Решив определять возраст поэта по его стихам, раскрываем один из многочисленных поэтических сборников:

Тихо туманы плывут волокнистые,
Тают и тонут в пруду.
А соловьи рассвистались неистово
С вечера в нашем саду.
Все мне лицо твое светлое чудится,
Легкое золото кос.
Верится сердцу, что все еще сбудется,
Все, что еще не сбылось.

Сколько лет этому поэту? Трудно сказать. Листаем дальше его книжку. Здесь «светит чей-то дом трепетным полуночным огнем», «тишина в том доме мятой пахнет, тонко половицами скрипит», «за окном травой заросший дворик». Невеселая, но, в общем, довольно цельная картина: в поросшем травой переулке тихий замшелый домик. В тихом домике живет поэт. Сколько же ему лет: 50, 80, 100? Немногим более двадцати, как мы узнаем из стихотворения «Песня», которое оканчивается так:

Здравствуй, пора моя, лучшая самая—
Двадцать вторая весна.

Да. Да. Поэту немногим более двадцати. Его зовут Леонид Хаустов, сборник его стихов издан в 1947 году в Ленинграде.

Раскрываем еще одну книгу. Стихотворение с многообещающим названием «Старый погост»:

Под мощью лип здесь долгие века
Покойно тлели прадедовы кости.

Далее в этом стихотворении описывается война:

И вдруг сюда пришел издалека,
Пришел с мéчом незванный чужеземец...
Пять суток бились—без еды, без сна,
И шесть, и семь,—не пеленая раны...
Страна родная, русская страна,
Не кровность ли святит твои тараны?

О чем это? О Ледовом побоище? О битве на поле Куликовом? Кто этот враг, названный старинным и торжественным словом «чужеземец с мечом»? Сколько лет, сколько десятилетий, сколько, наконец, веков поэту?

Это — стихи об Отечественной войне. Архаически изысканно поименованный чужеземец — это немецкие захватчики. Автор стихов—Николай Тряпкин. А сколько отроку годов, того не ведаем. Но вирши сии, вельми старинной отдающие, напечатаны в книжице, коя нарекается: «Молодая Москва», а в подтитле оной значится «Стихи молодых поэтов». И издана она в граде Москва в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году. Как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься...

Вот уже два печальных примера, когда поэты, числящиеся молодыми, пишут стихи, лишенные не только примет их возраста, но и примет времени, в котором они живут.

Продолжаем наши поиски. И вдруг на одной из многочисленных лирических страниц, которые проходят перед глазами, сердце начинает биться сильнее. Оно услышало голос по-настоящему молодого поэта:

Рожок молчащий молча мы храним,
как вашу славу, на почетном месте.
Пускай придет, пускай придет за ним
восставший сын мадридского предместья.

И пусть опять меж иберийских скал,
полки республиканские сзывая,
прокатится ликующий сигнал
и музыка раздастся полковая.

...На сборный пункт по тропам
каменистым
отряды пробираются в ночи.
Сигнальте бой, сигнальте бой, горнисты,
трубите наступленье, трубачи!

(Я. Смеляков).

Сколько лет поэту? Нам не приходит в голову этот вопрос. Стихи его молоды, как молод звук горна, призывающего к борьбе, как молодо страстное чувство призыва на борьбу с темными силами реакции. Мы начинаем понимать: дело не в возрасте поэта. Есть старческие стихи у молодых по паспорту поэтов, есть молодые стихи у поэтов, печатающихся уже второе десятилетие. Но и у опытных поэтов подчас, когда им нечего по-настоящему сказать, появляются стихи, где тишина, луна и прочее лирическое шелестение заменяют какие бы то ни было приметы и личной биографии, и биографии поколения, и приметы эпохи.

После поисков мы пришли, как нам кажется, к единственно правильному выводу: право называться молодым дается поэту не возрастом, а творчеством. Ведь не паспорт пред'являет он читателю, а стихи. Молодым поэтом по праву мы считаем того, кто пишет, как сверстник нашей молодой эпохи, как участник борьбы за коммунизм.

Хорошо выражено чувство близости коммунизма в стихах М. Алигер:

А хочешь видеть первый миг,
Чем он отличен, чем прекрасен,
Его зарю, его восход,
Будь пристальней — пора настала!
Гляди вокруг, спеши вперед,
Живи на свете, как живет
Твоя держава, твой народ—
Затем, что вот оно, начало!

Жить единой жизнью с жизнью молодой страны — вот что, нам кажется, дает в наши дни поэту право называться молодым.

2. ЧТО ТАКОЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

Первый вопрос оказался решенным. Но самим названием статьи задан еще один вопрос: что такое публицистическая лирика? Ведь в этом определении заключено, казалось бы, противоречие: публицистическое дословно значит общественное, лирическое же в укоренившемся словоупотреблении связано с понятием личного. Но это противоречие и раскрывает силу публицистической лирики: об общественном она говорит, как о личном, страстно переживаемом и волнующем. По крайней мере, такой она должна быть. Однако из этого подчас делают неверные выводы. Иногда приходится слышать утверждение, что для советской поэзии сама постановка вопроса о публицистической лирике, как о чем-то особом, неправомерна, ибо вся наша лирика имеет общественно-значимое содержание. Да. Наша лирика, во всяком случае, наша хорошая лирика, должна самую личную тему решать так, чтобы стихотворение приобретало настоящее общественное звучание, но из этого отнюдь не следует, что у нас не должно быть публицистической лирики. Грань между лирикой на личную тему и публицистической лирикой подвижна, оба вида лирики связаны десятками переходов. Но это еще не значит, что они совпадают в обедненном нивелирующем тождестве.

Какой же должна быть публицистическая лирика?

Мы думаем, что одной только важной политической темы недостаточно, чтобы стихотворение получило право на это высокое название.

Мало только найти политическую тему, ее нужно правильно понять. А для этого поэт должен быть во всеоружии больших и ясных политических знаний. Иначе он будет беспомощным, а тема останется нерешенной.

Такой опытный и талантливый поэт, как В. Лебедев-Кумач, свел борьбу с низкопоклонством к борьбе против костюмов, скроенных на иностранный лад, а поэтесса Галина Шергова, доказывая превосходство советской культуры, назвала бессарабские степи «землями чужими». Тут уж не о недостаточном политическом понимании темы приходится говорить, а об отсутствии школьных познаний в области географии и истории нашей Родины.

Публицистическая тема должна воплотиться в достойную форму. И здесь, как нам кажется, две опасности подстерегают поэтов. Первая заключается в том, что, боясь упреков в риторичности, в декларативности, некоторые поэты выражают публицистическую тему осложненным, непрямым поэтическим языком, превращают публицистическую тему в повод для поэтических фокусов. Видимо, они полагают, что сама тема спасет их от упреков в формализме. Характерным примером являются стихи П. Шубина — «Солдат», напечатанные в подборке журнала «Знамя», посвященной 30-й годовщине Советской Армии.

Как зовут его—не знаю. Только знаю,
что при нем
Трехлинейка нарезная, да граната за
ремнем,
Да «катюша» заказная: трут с огнивом
и кремнем.

Он при том вооруженье перебежкой
и шажком
От сраженья до сраженья полземли
прошел пешком
Вместе с базою снабженья—вещевым
своим мешком...

Нет сомнения в том, что поэта здесь в основном интересует избранная им форма: шестистрочная строфа с перекрестной повторной рифмой, довольно искусственно превращенная в трехстрочную строфу с внутренней рифмой. Увлеченный этими нехитрыми техническими исканиями, поэт не замечает бессодержательности своего стихотворения.

Но и форма, лишенная настоящего содержания, начинает мстить за себя поэту. Продолжая самозабвенно рифмовать, он рождает такие удивительные строки:

Здесь, в лесу многовековом, танк ползет,
как скарабей,
Самолет в пике рисковом над листвой—
как воробей...
Вместе с Городовиковым мы врывалися
в Хобей.

Рифмы подчиняют себе все: танк сравнивается с ритуальным изображением жука у древних египтян, пикирующий самолет — с воробьем.

Серьезная тема скомпрометирована поэтическими играми поэта!

Формалистические стихи не напишешь на плакате, их не прочтешь с трибуны на митинге.

Формализм убивает публицистические стихи, как он вообще убивает искусство.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

А. БЕЛОЗЕРОВ
СОВРЕМЕННИК
Передовые писатели Румынии

Положение суверена так называемого «конституционного королевства» обязывало бывшего румынского монарха Михая «покровительствовать» искусствам. Ни одна из многочисленных функций румынского суверена не казалась Михаю столь обременительной, как эта, — безнадежно далеко от отечественного Парнаса стоял он. Однако, король был невежественен, но самоуверен. И посвященный сегодня в почетные президенты жокейского клуба, он назавтра становился почетным президентом Академии наук.

Было бесконечно смешно наблюдать, как в дни пленарных заседаний академии король взбирался на кафедру и, не без робости развернув шпаргалку, начинал:

— Коллеги!..

Затем, едва закончив речь, бодро опускался в глубокое президентское кресло и отдавался приятной дреме. В то время как академики вели словесные бои вокруг проблем науки и искусства, почетный президент досматривал третий сон...

Двор сосредоточил свои литературные дела в издательстве «Фундация Регала», созданном в 1933 году королем Каролем II. «Фундация Регала» подчинила своему влиянию крупнейшие издательства страны: «Дача Трояна», «Скрисул Романяска», «Сочек». Хозяевами издательств были видные царанисты, либералы, так или иначе связанные с королевским двором. Владельцем одного из наиболее крупных издательств был отец личного секретаря короля Ионицку, во главе другого крупного издательства стоял родной брат бывшего министра Татареску — Эмануил Татареску.

Законодателем литературных вкусов двора в течение многих лет являлся журнал «Ревиста Фундация Регала». Маскируя истинные устремления пространными декларациями о борьбе за «чистое искусство», журнал, в сущности, пытался увести румынскую литературу подальше от насущных вопросов жизни.

В последние годы редакция «Ревиста Фундация Регала» была заметно «обновлена», но тем не менее журнал весьма мало отошел от линии, предписанной двором.

Прогрессивной писательской общественности страны, которой никогда не была близка «Ревиста Фундация Регала», стало ясно, что необходимо создать боевой орган, отстаивающий интересы подлинно народной литературы. Так появилась на свет еженедельная газета искусства и литературы «Контемпоранул» («Современник»), создание которой знаменовало для современной румынской литературы начало нового пути.

История этой газеты примечательна. Еще в годы войны группа прогрессивных литераторов и журналистов предприняла издание нелегальной газеты «Романия либера». Правительству удалось напасть на след редакции и арестовать ее редакторов. Однако состав редакции оказался шире, чем предполагало правительство, — газета продолжала выходить.

В создании «Контемпоранул» группа работников «Романия либера» об'единилась с журналистами, вернувшимися из тюрем и политической эмиграции. Возник боевой творческий коллектив, который поставил перед собой задачу выпускать газету, активно борющуюся за осуществление идей новой румынской литературы. Здесь были видный публицист Л. Рауту, поэт-антифашист Теодор Руденко, журналисты М. Мораpy и Н. Беллу.

Газета «Контемпоранул» об'явила войну носителям идеи «чистого искусства». Она призывала писателей повседневно помогать правительству в строительстве новой Румынии, публиковала обширный материал, посвященный идейному и творческому росту новой румынской литературы. Утверждая свои принципы, «Контемпоранул» обращалась к опыту советской литературы, многие из лучших произведений которой были к тому времени выпущены издательством «Русская книга» и получили широкое распространение в стране. Газета откликалась на важнейшие внешнеполитические события,—фельетон на международные темы постоянно занимал в ней большое место.

Появление этой газеты вызвало горячие споры в писательской среде. Призыв — стать на позиции народа, притти ему на помощь в решении жизненных дел — «шокировал» некоторых литераторов. Среди них были, в частности, поэт Тудор Аргези и группа его сподвижников.

Однако, эта группа румынских литераторов оказалась в меньшинстве. Несравненно большая часть писателей горячо откликнулась на призыв газеты. Среди них ведущее положение занимал Садовяну.

Садовяну — виднейший румынский прозаик, классик национальной литературы. Многие из книг его почти пятидесятитомного собрания сочинений выдержали по нескольку изданий. Его роман «Мельница спускается по Серету» является настольной книгой во многих румынских семьях. Большой знаток румынского крестьянства, Садовяну все же не может быть назван только крестьянским писателем. Его произведения рисуют различные слои и различные стороны жизни румынского народа. Некоторые книги Садовяну написаны на исторические темы.

Гоголь и Тургенев — любимые писатели Садовяну. Садовяну перевел на румынский язык «Записки охотника».

К пониманию задач новой румынской литературы вместе с Садовяну пришли и другие писатели, в том числе один из наиболее видных современных поэтов Румынии Захария Станку. Его «Простые стихи» оказали значительное влияние на поэтическую молодежь и явились авторитетным предостережением от увлечения новым французским декадансом. Свою творческую работу Станку всегда сочетал с активной общественно-политической деятельностью. Он был редактором журнала «Лумя романяска», закрытого по приказу Кароля II за выступления против королевской диктатуры и железногвардейцев. Вместе со многими прогрессивными деятелями страны, протестовавшими против войны с СССР, Станку был впоследствии арестован и заключен в лагерь Тыргу-Жиу. После свержения режима Антонеску поэт твердо стал на демократические позиции.

В их числе были и другие писатели: блестящий знаток языка священник Гала Галактион, — ряса священника не помешала ему стать пламенным поборником новой Румынии; один из наиболее видных критиков, автор истории румынской литературы, проф. Калинеску.

Группа писателей, тяготевших к «Контемпоранул», не стала творческим об'единением. Но газета явилась своеобразным знаменем, под которым собрались передовые силы румынской литературы. Мало того, газета в известной мере подготовила создание союза писателей Румынии, организационный с'езд которого состоялся весной этого года. Наконец, — и это самое главное, — в творческой среде наметились первые признаки поворота к жгучим темам современности. Михаил Садовяну написал роман, в котором сделал попытку раскрыть характер молодого рабочего-коммуниста. Захария Станку заканчивает работу над первым томом трилогии, посвященной румынской деревне.

Все большее и большее количество писателей принимает деятельное участие в делах государства. Михаил Садовяну — заместитель председателя президиума Великого национального собрания, Мораpy — член президиума, Станку, Рауту, Галактион, Калинеску — депутаты Великого национального собрания. Отечественная Академия наук несколько дней назад избрала своими действительными членами писателей Галактиона и Калинеску. Идея новой румынской литературы, литературы о народе и для народа, сплачивает ряды писателей, которым дороги судьбы отечества.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ
Литература как бизнес

«ТАЙНА ТВОРЧЕСКОГО УСПЕХА»

В английском журнале «Инглиш Дайджест» помещена статья Клифтона Рейнолдса, в которой он посвящает читателей в тайну того, как автор может завоевать успех. Мы приводим выдержки из этой статьи, являющейся своего рода образцом циничного и беспринципно-ремесленного подхода буржуазного писателя к своей профессии.

«Я не претендую на обладание литературным стилем, — пишет Рейнолдс. — Но я достаточно разбираюсь в этом вопросе и потому с уверенностью заявляю, что мои произведения носят на себе явные признаки того, что они сделаны наспех. Все это неуклюжий, неотделанный материал, и он должен с такой же легкостью читаться, с какой он был написан».

Далее автор статьи рассказывает о том, как следует поступать писателю, чтобы застраховать себя от неуспеха.

«Я коротко излагаю своему издателю содержание будущей книги. Допустим, оно ему нравится.—Тогда я пишу оглавление. Если ему и это понравилось, то он обычно просит написать одну-две главы на пробу. Но вот писатель отнесся к той или иной части книги неодобрительно, и я иду на уступки или даже совсем бросаю мысль об этой книге. Вместе с издателем мы обдумываем все, что может представлять интерес для читателя; обычно он интересуется также и тем, сколько времени мне понадобится для того, чтобы написать книжку. «Около двух недель»,—уверенно отвечаю я. «Подите вы!»—удивляется он. «Ну, ладно! Скажем, месяца три», — соглашаюсь я.

Когда я рассказываю о своем творческом методе другим авторам, некоторые из них почему-то говорят, что это ужасно и что я не художник. Ну, что ж, какое мне до них дело!»

«РАВНЯЙТЕСЬ НА РЕКЛАМУ!»

Издающийся в Канаде литературный журнал «Писатель и издатель» поместил специальную «консультацию» для начинающих и молодых авторов, стремящихся овладеть жанром короткого рассказа, а также еще более нелегким— в условиях капиталистического общества — «искусством» помещения своих произведений в печати. Приводим ниже выдержки из этой статьи.

«Единственный способ как-то втиснуться на рынок короткого рассказа заключается в следующем:

1) Выберите журнал, в котором вы хотите поместить ваш рассказ.

2) Изучите с большой тщательностью все без исключения статьи, рассказы, повести, рекламные об'явления, стихи и иллюстрации не менее чем в трех номерах этого журнала. Повторяю, изучите. Простого ознакомления здесь недостаточно. Вгрызайтесь в текст, как в школьный учебник. Читайте его медленно, строчка за строчкой, слово за словом, как должно вам читать нашу библию. Одна из целей такого досконального исследования каждой страницы— выискивание скрытой связи, всегда существующей между любой статьей, новеллой, повестью и тем или иным рекламным материалом, помещенным в журнале. Вот здесь-то и зарыт ваш чек. Связь эта может быть едва уловимой, но без нее литературная часть не имеет никакой коммерческой ценности.

3) После этого начинайте писать свой рассказ в соответствии со специфическими требованиями журнала. Постарайтесь пропитать свой мозг тем, чего, по вашему мнению, хочет редактор. Нам платят за коммерческую, а не за художественную ценность произведения.

Журнальная беллетристика имеет денежный эквивалент лишь в двух случаях: а) если она способствует заключению новых или продлению прежних контрактов с рекламодателями; б) если она помогает увеличить или удержать на прежнем уровне подписку. Поэтому, если вы занимаетесь творчеством, поглядывайте одним глазом на свою рукопись, а другим—на деловую клиентуру и подписчиков журнала. Низменный расчет? Грязь? Нет! Золотое дно. Если ваше изделие привлекает подписчиков и рекламодателей, вам разрешается претендовать на любые литературные тонкости. Прежде всего—сделайте бизнес для издателя, а до ваших взаимоотношений с потомками ему очень мало дела».

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

Английский журнал «Райтер» («Писатель») рассказывает историю некоего писателя, поставлявшего рассказы в один из еженедельных журналов. Не удовлетворившись гонораром, получаемым в этом журнале, предприимчивый автор решил «рационализировать» свое «производство».

Героем одного из напечатанных им рассказов была... собака. Автор решил «обновить» рассказ с тем, чтобы иметь возможность напечатать его вторично. С этой целью он преспокойно превратил собаку в человека. В остальном рассказ остался без изменений и был помещен «взыскательным художником» во второй раз в другом журнале.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

ГАНГСТЕРЫ ИЗ КОНГРЕССА

Американский журнал «Тайм» получил недавно следующее письмо от одного из своих читателей:

«Я думаю, что вы дали неправильную подпись под фотографией, изображающей 5 человек, которые, по вашему утверждению, являются членами комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. Я бы сказал, что это скорее кадр из детективного боевика режиссера Хичкока*.

Физиономии этих людей надменны и безличны, это черты, которые всегда находит Хичкок для своих злодеев. Глядя на то, как они стоят, залитые солнцем, перед знакомыми очертаниями типичного дома в мирном городке, вы внезапно чувствуете, что вас охватывает невообразимый ужас. Вы быстро приходите к выводу: это отнюдь не дружелюбные простые люди, за которых они все время выдают себя.

Непроницаемое выражение лица низенького грузного человека в центре — по всей видимости главаря — полно решимости, рука его неспроста находится в кармане пиджака. То же самое зловещее выражение носят и лица окружающих его сообщников. Они стоят, выжидая; цель их совершенно ясна. Вам отчаянно хочется закричать, позвать на помощь, но вы знаете, что это бесполезно. Дом пуст, улицы безлюдны, все вокруг враждебно и холодно...

г. Мэдисон, Висконсин.

Джинниус Эддл».

Всякий, кто видел хоть один американский гангстерский фильм, не может не согласиться полностью с автором этого письма. Трудно подобрать более удачный типаж, чем эти громилы из комиссии конгресса США во главе с Томасом, которые распоряжаются сейчас судьбой миллионов американских граждан.

* Режиссер, ставящий наиболее «прославленные» гангстерские фильмы в Голливуде.

Народный писатель
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. А. ТРЕНЕВА

В драматургию К. А. Тренев пришел вполне сложившимся, зрелым писателем-беллетристом, автором многих рассказов из жизни дореволюционного крестьянства Дона и Украины, из жизни провинциального мещанства и духовенства. Его имя часто появлялось в сборниках «Знание», выходили рассказы и отдельными изданиями. А. М. Горький высоко ценил образный сочный язык Тренева, едкую и умную иронию его социальных зарисовок.

Имя Тренева связано со становлением советской драматургии. Уже в пьесе «Пугачевщина» (1924 г.) богато раскрылся его дар острого, яркого диалога, разнообразных и метких характеристик. Точный жанрист, наблюдательный бытописатель, К. Тренев принес на сцену свое умение передавать жизненные явления в неповторимом и в то же время типичном своеобразии.

И в дальнейшем Тренев не отказывается от исторической темы, как, например, в интересной пьесе «Полководец», посвященной Кутузову и Отечественной войне 1812 года, или в «Юности Петра», работу над которой прервала смерть. Но главное его внимание обращено к советской действительности.

Вершиной драматургического творчества Тренева бесспорно является «Любовь Яровая», одна из самых замечательных пьес классической советской драматургии. Она имела и имеет поистине всенародный успех. Сейчас хотелось бы отметить ее особое качество, причину ее привлекающей и побеждающей силы. Это—глубокая идейность пьесы. Ее светлое, уверенно радостное звучание пронизывает всю структуру вещи. В пьесе показаны дни суровых испытаний, напряженных, мучительных столкновений, и, тем не менее, она доходит до нас как **героическая комедия** в самом высоком и благородном смысле этого слова. Перечитывая ее сегодня, мы узнаем в ней ближайшую родословную советских людей.

Недавно вышел из печати второй том избранных произведений Тренева. В этом томе об'единены его пьесы. Уже перечень тем свидетельствует о широте интересов драматурга. Его внимание привлекают и Пугачевщина, и фигура Кутузова, и образ молодого Петра. Первым годам революции посвящена пьеса «На берегу Невы», о гражданской войне говорит писатель в пьесе «Любовь Яровая», о старой гимназии — пьеса «Гимназисты» и, наконец, в «Анне Лучининой» Тренев подошел к изображению образов современников, людей сталинской эпохи.

Тренев работал вдумчиво и страстно. Он не удовлетворялся достигнутым, глубоко чувствуя идейно-политическую и художественно-воспитательную ответственность автора в театре. Характерно в этом смысле его выступление на I Всесоюзном с'езде советских писателей в 1934 году. Характерно и поучительно, потому что оно затрагивает основные вопросы, тревожащие и сегодня нашу литературно-драматургическую среду.

Напомнив, что товарищ Сталин назвал писателей инженерами человеческих душ, Тренев говорил:

«В это звание надо вдуматься, так как в нем ключ к разрешению основных вопросов творчества. Строительство душ — труднейшее, ответственнейшее из строительств, и не только потому, что нигде, как здесь, не требуется такая точность и в то же время прочность работ, но главным образом и потому, что в этом наше отличие от всех других инженеров: мы всякий раз должны создавать то, чего не было, мы должны создавать единственное, неповторяемое и совершенно непохожее на то, что было создано до нас. Злейший наш враг — это шаблон. Где шаблон — там нет строительства душ, а есть вредительство. В искусстве штамп — печать смерти. Нужно ли говорить, что если звание инженеров душ дано нам, советским писателям, не потому, что мы его заслужили, а для того, чтобы мы его заслужили, то это особенно относится к цеху драматургии».

В этом своем цехе К. А. Тренев был очень заботливым, ревнивым и бдительным мастером-хозяином, продолжительное время возглавляя секцию драматургов Союза советских писателей и профессиональную организацию московских драматургов. Он пристально следил за выдвижением и ростом молодых авторов, входя не только в их творческую лабораторию, но и в повседневные нужды писательского быта. Он был строг, требователен, даже придирчив. У него был темперамент практика, делового человека, но больше всего его беспокоило холодно-ремесленное, поверхностно-ловкое отношение к труду. В его лукавой усмешечке, в его пронизывающем умном взгляде из-под мохнатых бровей всегда чувствовалась подлинно творческая тревога за общее дело советской драматургии, за то «строительство душ», которому он отдавал все напряжение своего таланта.

И даже в год своей смерти (1945) он был, может быть, самым старшим, но отнюдь не самым старым нашим товарищем-драматургом.

А. ФАЙКО.

В Союзе советских писателей СССР
Книга о детской литературе

На совместном заседании комиссии по теории литературы и критике и комиссии по детской литературе писатель А. Ивич рассказал о своей работе над книгой о детской литературе. Книга эта посвящена видным детским писателям нашей страны—С. Маршаку, А. Гайдару, Б. Житкову, К. Чуковскому, Л. Кассилю и др. Автор стремится на анализе творчества этих писателей раскрыть принципиальную новизну и своеобразие советской литературы для детей, наметить главные этапы ее развития.

По общему мнению выступавших — С. Маршака, И. Халтурина, Е. Ковальчик, В. Смирновой, Т. Габбе, Ю. Калашникова, Ф. Левина, В. Шкловского, работа, предпринятая А. Ивичем, весьма своевременна и полезна. У нас до сих пор еще нет ни одного пособия по истории советской литературы для детей. А ведь курс этот читается в сотнях педагогических и учительских институтов, в педучилищах и т. д. Комиссия рекомендовала книгу А. Ивича к печати.

В то же время участники обсуждения высказали ряд критических указаний, советов и пожеланий. Они предостерегли автора от излишнего академизма, от попыток сглаживания той острой идейной борьбы, в которой возникла и развивалась наша детская литература.

В ПРЕЗИДИУМЕ ССП УКРАИНЫ

КИЕВ. (Наш корр.) В целях укрепления организационного руководства работой Союза советских писателей Украины, президиум ССПУ принял решение о следующих изменениях в руководящем составе президиума:

Председатель правления ССПУ—А. Корнейчук, его заместители — П. Тычина, Л. Дмитерко, Ив. Ле, И. Стебун.

В состав секретариата избраны также П. Усенко, О. Скляренко, А. Гончар.

Ответственным секретарем правления ССПУ утвержден Л. Серпилин.

Андрэ Моруа-„историк"

Акад. Е. ТАРЛЕ

Теперь, когда французские народные массы на ежедневном опыте текущей жизни убеждаются в «великолепии» результатов политики гг. Лаваля, Леона Блюма, Даладье и прочих платных и бесплатных пособников фашистской агрессии, публицисты типа Андрэ Моруа особенно много и умиленно говорят о необходимости и моральной обязанности интеллигенции, прежде всего писателей, заботиться о просвещении и повышении образовательного уровня «человека с улицы», «простого человека», которому иначе грозит опасность попасть в сети коммунизма. Идет кипучая пропаганда в «народных университетах» и в прессе, направленная, прежде всего, к внушению «простому человеку» мысли о полнейшей неповинности как «третьей», так и нынешней «четвертой» республики во всех постигших его злоключениях.

Понятна роль, которая в этой пропаганде отводится истории. И не менее понятно, что в деле соответствующего препарирования истории первенствующее значение должна была занять именно проза академика Андрэ Моруа, умеющего, как никто, «с ученым видом знатока», с симуляцией искренней вдумчивости, сердечности, задушевности доказывать белизну черного цвета.

Было у Моруа всегда и другое, тоже очень существенное в данном отношении качество: способность говорить о чем угодно (и сколько угодно), не имея о предмете точного представления. О чем только не писал он! Писал о Байроне, причем доказывал, что Байрон отдал свою жизнь борьбе за освобождение греков вовсе не потому, что желал этого освобождения, а просто потому, что как-то раз сболтнул неосторожно о поездке в Грецию, ну, а потом уже неловко было не поехать. Ничего не поделаешь! Выше лба уши не растут,—и не виноват Моруа в том, что он и в Байроне тоже видит лишь другого Андрэ Моруа. Писал об Эдуарде VII, останавливаясь больше всего не на создании Антанты, но на деятельности покойного короля в парижских кабачках. Писал он и о Биконсфильде, но сосредоточивал внимание не на берлинском конгрессе, а на повестях и романах, которыми в молодости баловался Дизраэли, пробовавший себя вначале в качестве беллетриста.

И так Моруа поступал во всем, издавая томик за томиком, — приличненькие, прилизанные, незаметно, но неизбежно опресняющие, принижающие, опошляющие сюжет, обедняющие, выхолащивающие каждую тему. И все это при бесспорном умении владеть пером и способности избегать слишком уж большой скуки.

И вот теперь академик Андрэ Моруа выпустил том в 627 страниц под названием «История Франции»[1] Он уже с давних пор повадился время от времени публиковать такие «истории». Например, написав четыре книги: о маршале Лиотэ, о Тургеневе (sic!), специфическую работу «Англичанка и другие женщины» и «Инстинкт счастья», Моруа вдруг выпустил в свет (в 1934 году) «Историю Англии». Или, например, написав «Машину для чтения мыслей» (1937 год), «Искусство жить» (1939 год) и «Любовь в семи лицах» (1946 год), он, подготовившись таким образом, издал в 1947 году «Историю Соединенных Штатов». Теперь, сочинив еще несколько романов и полуроманчиков («Обетованная земля», 1946 год; «Невозможные миры», 1947 год), он опубликовал «Историю Франции».

Разбирать этот том с точки зрения его «научного» значения было бы неуважением к советскому читателю. Нужно сказать, что обширные размеры этой книги (без малого сорок печатных листов убористого шрифта) уже сами по себе указывают, какого читателя автор имеет в виду. Не всякий «простой человек» читает исторические книги в шестьсот с лишком страниц. Эта книга рассчитана на среднего интеллигента, на растерянного обывателя, сбитого с толку налетевшим историческим шквалом, желающего дать себе отчет в том, что с ним сделали его политические опекуны и заправилы. Миссия книги Андрэ Моруа и заключается в том, чтобы запутать, закружить, оглушить словесной шумихой, окончательно сбить с толку уже и без того растерявшегося человека и постараться вдохнуть в него веру в тех, кто погубил Францию в 1940 году и кто продолжает ее губить в 1948 году. Эта книга принадлежит к числу таких изданий, которые незачем критиковать, а следует лишь приводить из них выдержки, потому что подобные товары книжного рынка говорят сами за себя.

Угодно ли знать, как в этой книге, начинающейся с древних кельтов и доходящей до настоящего времени, рассказана, например, история второй мировой войны? Эта история занимает в книге 17 страниц, но в ней **ни разу** не встречается слово «Сталинград». Извинительно, если читатель не сразу мне поверит. Я и сам не поверил глазам своим и даже справился по именному указателю. Нет! Никакого Сталинграда во второй мировой войне, если верить Моруа, не было. Да и вообще Советский Союз в войне, повидимому, вовсе не участвовал: ровно **ничего** о нем нет. То-есть буквально ничего!

Андрэ Моруа такой благонамеренный, такой послушный, такой осторожненький, что он ничуть не сердится на англичан и на Черчилля за то, что они с умыслом затянули на $1^1/_2$ года высадку в Нормандии и освобождение Франции. Что эта высадка была бы абсолютно немыслима без грандиозных, за всемирную историю неслыханных русских побед, об этом, — повторяю, — в книге нет **ни звука.** Но если в 1943 году не было никакого Сталинграда, зато произошло другое несравненно более колоссальное мировое событие: «В мае 1943 года был образован «Национальный совет сопротивления», сначала под председательством Жана Мулэна, а потом Жоржа Бидо» (стр. 574). Вот кто истинный герой второй мировой войны: Жорж Бидо, под волшебным пером Андрэ Моруа попавший без драки в большие забияки!

С любопытством ждал я, как расскажет Моруа об эпических боях под Берлином и в Берлине, о великой, бессмертной, завершающей победе советских войск, наконец, о капитуляции Германии 8 мая 1945 года. Я снова опасаюсь, что читатель мне не поверит, и поэтому привожу в **дословнейшем** переводе рассказ о конце войны в Европе:

«В декабре 1944 года возобновившееся наступление немцев в секторе Арденнских гор, плохо защищенном, казалось один момент, подвергло опасности Намюр, Льеж и Седан. Более к югу Страсбург, снова бывший под угрозой, был спасен от жестоких репрессий французскими войсками. Этот последний порыв армий Гитлера не имел длительных последствий. Союзники перешли через Рейн, Германия подверглась вторжению. В апреле американцы и русские встретились на Эльбе. Гитлер покончил самоубийством, и 7 мая 1945 года в маленькой реймсской школе врагом была подписана безоговорочная капитуляция» (стр. 575—576). Вот и все...

Так как русских вообще не было (никакой Москвы, никакого Ленинграда тоже не было, как и Сталинграда), то «простой человек», для назидания коего написана книга, так и не поймет, как же русские оказались вдруг на Эльбе, где они «встретились с американцами»? А что русские отсутствовали в «маленькой реймсской школе», где была подписана капитуляция, это уже не покажется удивительным: раз советские люди в 1941—1945 годах не воевали, в то время как Жорж Бидо разгромил наголову гитлеровскую Германию, то зачем советских людей допускать в «маленькую реймсскую школу»?

И недаром судьба сохранила (даже без единой царапины!) победителя Германии и спасителя человечества Жоржа Бидо—ведь, очевидно, именно он творец великого будущего Франции, которое рисуется нашему автору так: Организация Об'единенных наций скоро провалится,—но туда ей и дорога, — а Франция должна поскорее вступить в «западный блок», то-есть в союз с «Бизонией», с Бенилюксом, с Англией и США.

Выражена эта мысль в заключительных строках книги и выражена со свойственным Андрэ Моруа «скромным изяществом»: он не называет ни одного собственного имени, а все вполне точно и ясно! «Если какая-нибудь международная организация, наконец, установится, — Франция, наверно, будет играть в ней большую роль; если эта организация провалится, Франция, несомненно, найдет другой спасительный выход в более интимной связи с соседними народами и заморскими территориями» (стр. 591).

Такова эта «История». Необычайно характерна деталь: говоря о войне 1914 года, Моруа признает, что если бы Россия не оттянула к себе шестьдесят немецких дивизий, то под Марной французы потерпели бы поражение (стр. 545). Но признать, что если бы не **Советская Россия,** то вся Франция могла бы в 1941—1945 годах безнадежно погибнуть, — на это у Моруа нехватило духа... В Америке и Англии это признание роли России могло бы сильно не понравиться.

Следует сказать, что вообще Россия не пользуется ни малейшим вниманием и расположением автора. Например, войне 1812 года посвящено шесть строк на 383-й странице и половина 384-й страницы. Мы узнаем лишь, что «Наполеон, полководец бесконечно превосходивший своих противников, одерживал только победы», а если эти победы оказались бесполезными, то здесь виноваты пожар Москвы и морозы. Имена Кутузова и Багратиона и слово «Бородино» даже не упоминаются.

Самое забавное, — это абсолютное невежество Моруа относительно войны 1814 года, где русские и **только** русские решили исход борьбы: наш автор **ничего** о русских победах в эти последние месяцы войны не говорит, а ни с того, ни с сего пишет что-то такое невразумительное о «Блюхере, бесстрастном, безжалостном, который сжимал кольцо и спешил к Парижу». Все это поистине несусветный вздор; Моруа явно спутал курьезнейшим образом 1814 год, когда Блюхер никакой решительно роли не сыграл, с 1815 годом, когда Блюхер вместе с Веллингтоном выиграл битву при Ватерлоо; зато, говоря дальше о Ватерлоо, Моруа даже не упоминает имени Блюхера!

Но автору историческая правда вовсе и не нужна, ему нужна фальшивая беллетристическая пошлость о «бесстрастном, безжалостном Блюхере»... Эта пошлая манера вкрапливать беллетристику в мнимую историю, вводить при этом ни к селу, ни к городу гривуазный элемент—все это портило бы книгу, даже если бы она была написана со сколько-нибудь основательным знанием дела. А этого нет и в помине.

Все-таки нам кажется, что в конце концов у кое-кого из «простых людей», о просвещении которых так печется г-н Моруа, нехватит простоты, чтобы поверить этому американо-англо-французскому автору, выпустившему свою книгу одновременно в Нью-Йорке, Лондоне и Париже. Дело в том, что все-таки во Франции могут скорее усомниться, чем в Нью-Йорке, когда прочтут хотя бы следующие за уже приведенным рассказом о капитуляции Германии строки:

«Оставалось победить Японию. Французские морские силы и, в особенности, крейсер «Ришелье» приняли участие в этой последней кампании, которая тоже окончилась 2 сентября капитуляцией неприятеля. Вторая мировая война была окончена».

О СССР — **ни звука!** В Америке многие это прочтут с удовольствием. Но француз хоть промолчит, быть может, а улыбнется. Сколько уж раз обманывались люди, преувеличивавшие «простоту» французского «простого человека». Недаром монсеньер Дюпанлу с сокрушением говаривал о французах: «Такой был прежде доверчивый народ, а после трех революций и одной Коммуны совсем испортился!»

Г-н Моруа упустил из виду это наблюдение умного епископа...

[1]) André Maurois. „Histoire de la France". Paris, 1948.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02603.